

УДК 72.036

д-р арх., профессор Черкес Б.С.,
к. арх., доцент Лысенко О.Ю.,
Национальный университет "Львовская политехника"

РАЗРУШЕНИЕ, ВОССТАНОВЛЕНИЕ И ПОИСКИ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОСЛЕВОЕННОГО СОВЕТСКОГО ГОРОДА

Исследование советского градостроительства 30-х – 40-х годов XX века, как динамического и довольно спорного процесса, состоящего из нескольких основных этапов, выявление особенностей архитектурно-градостроительного мышления и способов практической работы дает возможность понять характер архитектуры и общую логику формирования городов в военные и послевоенные годы.

Ключевые слова: градостроительство, формирование, восстановление, идентичность.

Постановка проблемы. Актуальность изучения особенностей формообразования городов в предвоенный и послевоенный период связана с тем, что результаты данного процесса в значительной мере определяют современный облик некоторых городов, являясь одной из главных составляющих их культурной идентификации.

Анализ последних исследований и публикаций. Для комплексного изучения проблемы формообразования советской архитектуры были использованы исследования, как современных теоретиков, так и предшествующие труды, посвященные истории предвоенного и послевоенного архитектурно-территориального развития городов. Теоретическим вопросам советской архитектуры и градостроительства посвящены труды Н.П. Былинкина, Ю.П. Волчка, А.В. Иконникова, Ю.Л. Косенковой, А.М. Мостакова, В.А. Лаврова, М.Г. Мееровича, В.А. Шкварикова, З.Н. Яргиной и др. Работы В.И. Атопова, М.Г. Бархина, Д.П. Коваленко, А.И. Осятинского, Ю.В. Янушкиной посвящены особенностям архитектурного формообразования городов 30-40-х гг. (Киева, Москвы, Смоленска, Сталинграда, Новороссийска и т.д.). Поискам идентичности послевоенных советских городов посвящены труды И.А. Азизян, М.И. Астафьевой-Длугач, А.А. Мусиездова, А.Н. Попадина, Р.Ф. Туровского и др.

Цель работы. Проанализировать исторические этапы формирования города, как целостной системы политических, идеологических и материальных структур.

Основная часть. При формировании направлений исследования основой послужило изучение фундаментальных трудов Косенковой Ю.Л., как наиболее полно отражающих значение формирования городов во время Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления.

Особой задачей советского государства и различных политических и экономических структур было создание идеологий, интерпретаций мира, которые могли бы объединять и направлять массы, внушая им нужные для коммунистической партии желания и потребности. В своей знаменитой речи о пролетарской архитектуре, произнесенной 14 января 1932 г., А.В. Луначарский говорил: "...задача архитектуры заключается в том, чтобы утилитарные цели, функциональную часть плана как можно более гармонично и полно включать в замысел, который имеет идеологический характер" [1]. В Советском Союзе сталинского периода создавались впечатляющие образцы идеологизированной архитектуры, форма которой предопределялась идеологической конструкцией, должна была служить утверждению заданных идей и, тем самым, стабилизации некоего порядка [2]. В исторические периоды, отмеченные кризисами и неустойчивостью, особенно остро проявлялся разрыв между желаемым и действительным. В таких ситуациях идеал выводился из системы ценностей, альтернативной существующей [3]. Для архитектуры советской эпохи особенно важной была тема идеального города будущего. Архитектор должен был преобразовывать существующие материальные условия жизни советского общества, создавая архитектурные образы созвучные новой эпохе. А. Мостаков говорил: "Архитектурное единство города – это следствие той внутренней гармонии самой жизни, гармонии, возможной лишь в социалистическом обществе" [4].

Основная проблематика теории советской архитектуры начала закладываться еще до начала развертывания архитектурно-строительной практики в послереволюционный период. Особое значение приобретали сугубо теоретические проблемы: специфика архитектуры в целом, роль архитектора в обществе нового типа, особенности советского зодчества [5]. Утопический идеал принимался как цель, оправдывающая любые средства. Своими бескомпромиссными устремлениями утопическое сознание готовило интеллектуальную почву для тоталитаризма и его идеологии. Гипертрофия утопической мысли, устремленной к осуществлению произвольно сконструированных идеалов, роковая для исторических судеб XX века, вовлекла в свой водоворот и архитектуру. Увлеченные идеалами социальных утопий, архитекторы стали выступать с претензиями на устройство жизни [2, с.11].

Архитекторы считали, что все новые формальные подходы к задачам архитектуры являются созвучными социалистическим установкам. Так И. Фомин модернизирует классические мотивы, разрабатывая в теории и в творческой практике формы "красной дорики". А. Щусев в своем докладе "Экономика, техника и архитектура" подчеркивал, что "нужен новый дух коллективной мысли, не убивающий индивидуальности, но развивающий ее и

ведущий вперед", он откровенно стилизует некоторые свои работы под "новую архитектуру" [6]. "Новая архитектура" – это борьба против эклектики и одновременно отрицание прогрессивного значения классического наследия для современной архитектуры. Превалировало отрицание опыта прошлого, отрицание традиций как существенного момента развития архитектуры. Упускалась из виду диалектическая связь традиций и новаторства, тот факт, что это две стороны единого процесса движения вперед, что всякое утверждение нового в практике неизбежно связано и с возникновением новой традиции [7]. Градостроительная политика большевиков была направлена не только на преодоление проблем, дестабилизировавших городское общество на предыдущем этапе; но и на формирование нового, социалистического уклада, жизни. Город должен был стать инструментом утверждения новой системы ценностей, воспитания "нового человека", навсегда порвавшего с наследием прошлого [8].

Первые годы после революции характеризовались стремлением к организационной централизации всей архитектурно-строительной деятельности, желанием охватить единой проектной волей как можно большую территорию, поисками единственно наилучшей, а, следовательно, распространяемой на всех системы расселения, целенаправленное стирание различий между городскими и сельскими типами поселений и т.п. Все эти устойчивые специфические особенности определялись единой задачей создания "большого общества", выступавшей в качестве парадигмы советской истории, то есть монолитного сообщества людей, живущих едиными ценностями [9].

Основные направления переустройства старых городов в города нового социального содержания были впервые определены в Программе Коммунистической партии, разработанной в 1919 г. под руководством В.И. Ленина и принятой на VIII съезде Российской коммунистической партии. В этой Программе была подчеркнута необходимость всеми силами стремиться к улучшению жилищных условий трудящихся, перестройке старых и постройке новых жилых домов, соответствующих новым условиям жизни рабочих масс, к уничтожению скученности и антисанитарии старых кварталов, к перестройке и благоустройству рабочих окраин городов, к рациональному расселению трудящихся. Эти положения определили основную социальную направленность советского градостроительства, его главные, первоочередные задачи, в соответствии с которыми развивалась вся последующая градостроительная деятельность в стране. Плановое социалистическое хозяйство СССР позволило осуществлять градостроительство в соответствии с народнохозяйственными планами и социально-экономическими требованиями [10].

Государственное планирование считалось одним из самых действенных средств контроля над территорией огромной страны, приведения ее к состоянию однородного единства. Подход к проектированию городов, сложившийся в советское время, непосредственно вытекал из общей концепции народнохозяйственного плана. В конце 30-х годов в практике окончательно закрепилось двухстадийное проектирование города, предполагавшее на первой стадии разработку генплана и проекта первой очереди, а на второй – подготовку детальных проектов планировки.

Политика индустриализации способствовала быстрому количественному росту городов и городского населения. За 1928-1940 годы почти вдвое увеличилась численность городского населения. Этот рост был обусловлен, прежде всего, форсированным строительством новых индустриальных предприятий и притоком сельского населения в города. Доля занятых в сельском хозяйстве сократилась с 80 % всего работающего населения в 1928 году до 54 % в 1940 году [11]. Согласно данным переписи 1939 г., за 12 предшествовавших лет, число городов в стране возросло с 708 до 923, число поселков городского типа – с 1216 до 1450. На 1 января 1941 г. насчитывалось уже 1241 город и 1711 поселков городского типа. Увеличение численности городов значительно опережало качественное развитие урбанизации, которое определяется степенью включенности населения в городской образ жизни, общим характером городской среды и развитостью городской культуры [9, с.11].

Форсированные темпы строительства в стране, развитие промышленности не соответствовали постепенным этапам аналитической работы по преобразованию городов, со значительными затратами времени и средств. Законодательными постановлениями по градостроительству пытались урегулировать реальное градостроительное проектирование, которое значительно отличалось от концептуального проектирования. В 1933 г. на конференции Госплана СССР, посвященной реконструкции городов, под нажимом проектировщиков была признана необходимость составления комплексных планов городского развития хотя бы на пятилетку.

Борьба Высшего совета народного хозяйства и Главного управления коммунального хозяйства Наркомата внутренних дел за власть, за возможность контролировать финансы, людей и материальные ресурсы приводит к тому, что к концу 1933 г. в Советском Союзе окончательно оформляется такая структура общегосударственной системы массового архитектурно-градостроительного проектирования, в которой уже, фактически обособленно, функционируют две подсистемы – "ведомственная" и "местная". Первая – градостроительное проектирование селитьбы при производственных предприятиях,

осуществляемая проектными организациями промышленных наркоматов, входящих в структуру Высшего совета народного хозяйства СССР, а затем в Наркомат тяжелой промышленности СССР (Наркомтяжпром). Это "промышленно-гражданское проектирование". Вторая – градостроительное проектирование, осуществляемое силами коммунальных отделов местных органов власти, подчиняющихся Главному управлению коммунального хозяйства (ГУКХ) Наркомата внутренних дел, преобразованному в ГУКХ при Совете Народных Комиссаров РСФСР, а затем в Народный Комиссариат коммунального хозяйства РСФСР – "гражданское проектирование"[12].

В 1930-е годы архитектурный утопизм в условиях устанавливавшихся тоталитарных режимов отбросил прогрессистские установки авангарда. Используя мифологемы "вневременных ценностей", "будущего, равного вечности", соединяющего в себе все достижения человечества, утопизм обратился к историзму ("вечная классика" монументальных версий "величия нации" или "почвенные" национальные традиции для обыденных задач). Возвращение к идеалам уравнительной утопии в Советском Союзе постсталинистского периода было глубинным содержанием хрущевской архитектуры технологизма с ее абсурдными крайностями типизации и стандартизации (программно обезличенные "хрущобы"). "Малые утопии", следовавшие идеям социал-реформизма или основанные на гипотезах особой роли определенных территориально-общественных структур ("соседства"), функций (обмен информацией, досуг), принимались как основание некоторых профессиональных идей западноевропейских и американских архитекторов пятидесятых годов [2, с.11].

Социалисты-утописты создали концепцию "фаланстера" – дома-коммуны, новой формы жилья, с подчеркнутым духом коллективизма. Её основная идея заключалась в освобождении человека от повседневных тягот домашнего труда и мелких проблем. Возведение домов-коммун регулировалось "Типовым положением о доме-коммуне" Центржилсоюза (1928). Некоторые архитекторы доводили идею коммуны до абсурда. Н.С. Кузьмин планировал в домах-коммунах общие спальни на шесть человек и "двуспальни" ("кабины для ночлега"), где смогли бы по особому расписанию на законных основаниях уединяться супружеские пары. Этот проект по настоянию Ю. Ларина пытались реализовать на строительстве Сталинградского тракторного завода.

Концепция соцрасселения в своей основе содержала представление о структуре валового национального продукта, в соответствии с которым рассматривала размещение промышленности по территории страны как развертывание единого процесса производства и распределения продукции. Концепция соцрасселения основывалась на районировании промышленности

как главном моменте, определяющем направление и характер путей сообщения, объемы перемещения трудовых ресурсов и места сосредоточения их в строго определенных районах. Она предписывала производить территориальное деление так, чтобы формировать целостные хозяйственно-производственные единицы, включающие в себя: а) промышленное "ядро" с соответствующей партийно-хозяйственной управленческой надстройкой, обеспечивающей руководство производственным процессом; б) все "объекты", данный процесс обеспечивающие – сырьевые регионы; транспортные структуры; ареалы притяжения к индустриальному производству окружающего сельскохозяйственного населения; в) зону распределительной системы и т.п.

К середине 1920-х гг. стратегия административно-территориального деления страны окончательно основывается на требовании располагать административные центры в тех местах, где существует или искусственно создается максимальная концентрация пролетариата. Пролетарские центры, объединяемые производственно-хозяйственными связями в единые территориально-производственные системы, вместе с прилегающими к ним "непролетарскими" зонами, определяют ареалы мобилизационно-политического членения территории. Поскольку в ряде случаев размещение центров власти (губернских, уездных и проч.) не совпадает с местами наибольшей концентрации пролетарского населения, постольку начинает осуществляться перекраивание старого районирования и создание нового – в целях увязки административных фокусов власти с местами фактического сосредоточения пролетариата [13].

Проблема взаимоотношений города и промышленности с точки зрения архитектурной деятельности воспринималась как образно-композиционная задача. Экономист С.Г. Струмилин акцентировал внимание на том, что только "очаги коллективного труда" могут стать центрами тяготения в расселении, фабрики и заводы – гигантские храмы современности, являются наиболее естественными центрами повседневного трудового общения в городах будущего. Данная проблема стала решаться путем поиска "архитектурного лица советского завода" [9, с.23].

Целью и смыслом работы по районной планировке стало не научно обоснованное развитие крупных городов или системы населенных мест, а интересы промышленных предприятий, ориентированных на форсированные темпы выдачи продукции любой ценой [9, с. 25]. Содержание работ по районной планировке было сосредоточено на решении чисто практических задач текущего строительства – разрабатывались планы общего зонирования территории, схемы размещения промышленных предприятий и населенных пунктов, энергетических узлов, железнодорожных, автомобильных и водных

трасс, схемы водоснабжения и канализации, инженерной подготовки территории и др. Таких проблем, как сохранение и выявление ценных природных ландшафтов, организация рекреационных территорий, разработка туристских маршрутов и т. п., районная планировка того времени почти не решала. Впервые эти проблемы были сформулированы А. Иваницким в работах по Горьковской агломерации и практически решались в проекте районной планировки южного побережья Крыма (руководитель М. Гинзбург) в конце 30-х годов [7, с.80]. В начале 30-х годов сложность проектно-градостроительных работ заключалась в том, что архитектор-планировщик заменял собой весь комплекс специалистов. Во второй половине 30-х годов стали отказываться от части предпроектного цикла, архитектурного анализа территории города, составления специальных картограмм, поскольку архитектура в первую очередь была инструментом для разъяснения народу социальных и политических идей и была рассчитана не на сознание, а на эмоции. В понятие социалистического города вкладывался прежде всего архитектурно-композиционный смысл, образ, насыщенный идеологическим содержанием. А.М. Мостаков подчеркивал приоритетность архитектурно-планировочной композиции над всеми другими факторами формирования города. Город рассматривался как материал для выражения сверхидеи, например, через единство в архитектуре столицы выражалась идея государственной власти и государства, как некой организованной системы. Подобные суждения утвердились на первом съезде советских архитекторов в 1937 г., одновременно уничтожив новаторские концепции в градостроительстве теоретиков Г.В. Шелейховского, Б.В. Сакулина. "Функциональный город" как понятие постепенно исчезает из теории и практики советского градостроительства.

При всех видах районной планировки решающее градостроительное значение имел выбор формы расселения. На практике установились две основные формы расселения – централизованная форма, при которой население, связанное с работой на одной или нескольких разобщенных производственных территориях, размещается в одном населенном пункте и отдельная или обособленная форма, при которой население размещается в нескольких населенных пунктах в непосредственной близости от своих производственных территорий. Промежуточной формой расселения является групповая форма, при которой население хотя и размещается в отдельных небольших населенных пунктах при своих производственных территориях, но по близости от крупного населенного места – центра системы расселения [14, с. 35-36].

Принципы "социалистического расселения" были средоточием многих дискуссий. Наиболее подробно и обстоятельно содержание дискуссии раскрыто в монографии В.Э. Хазановой "Советская архитектура первой пятилетки" [15].

Однако несмотря на важность вопросов дискуссий они не получили полного освещения в прессе, что приводило к неполному изложению, а иногда и искажению фактов. "Деревня и город – обе эти старые формы расселения не отвечают потребностям настоящего дня. Они мешают правильному размещению промышленности и сельского хозяйства, мешают развитию новых общественных отношений людей. Старое жилище патриархальной или мелко-буржуазной крестьянской семьи, старое мещанско-семейное жилище рабочих и служащих разлагается на наших глазах, бешено сопротивляясь неизбежному. Замена старого жилища подновленной рабочей казармой с огороженными или полуогороженными индивидуальными нарами – казармой под вывеской "Дома - Коммуны", на словах – коммуной, на деле казармой, не радует больше ни потребителя – рабочего и служащего, ибо она не удобна, ни производителя, ибо она дорога". Город душит отсталый способ размещения промышленности и земледелия. Его рост может приостановить лишь реконструкция народного хозяйства. Земледелие должно стать районом не только добычи сырья, но и обработки сырья. Этому поможет передача энергии на расстояния к сырью. Промышленность должна уйти из центров непосредственно к районам производства сырья. Передача энергии на расстояние, повсюдная сеть местных станций, кольцевая передача и в перспективе радио-передача энергии осуществят мечту Энгельса: "покончить с крупным городом. Чего бы это нам ни стоило..." Всякий иной путь разгрузки города есть путь административной утопии [16]. От проектировки зданий на участках необходим переход к планировке целых предприятий, к планировке размещения производств: к пространственному размещению и расположению и производств, и жилищ целых экономических районов нашего союза, что существенно разгрузит транспортную систему.

Для связи производств и производителей рассматривались идеи укрупнения сельского хозяйства, переход обрабатывающей промышленности к сырью, а именно соединение промышленности и земледелия в одно целое. Но новая планировка требовала дешевого жилища из местных материалов. В первые годы 1 пятилетки было довольно распространено строительство из всякого рода новых и сурогатных материалов. К 1935 г. уже преобладают жилые дома из кирпича, бетона и искусственного камня.

Основными "застройщиками" жилищ являлись промышленность и транспорт. В общей программе жилищного строительства второй пятилетки горсоветы занимали не более 7–7,5%, а жилищкооперация – только 3–5%. Но для промышленности и транспорта жилищное строительство, несмотря на его объем, оставалось подсобным делом; главное внимание хозорганов сосредоточивалось на производственных стройках [17].

На общегосударственном уровне территориальное проектирование тесно связано с разработкой Госпланом СССР, Академией наук СССР и Госстроем СССР, а также министерствами и ведомствами Генеральной схемы развития и размещения производительных сил СССР, являющейся важнейшим документом, регулирующим размещение капитальных вложений на территории страны на основе прогнозов темпов и пропорций развития отраслей и ряда общеэкономических показателей, отражающих основные задачи страны на предстоящий период, а также демографический прогноз [10, с.31].

Гитлер и Сталин по разному представляли себе идеальное пространство для жизни общества. По специальному решению Политбюро Советский Союз начал зазывать на работу иностранных специалистов. В первую очередь речь шла о технических специалистах, которые должны были помогать СССР создавать военную промышленность. Одновременно в СССР была объявлена программа строительства так называемых социалистических городов – рабочих поселков, в которых должны были жить рабочие новых предприятий. Поэтому среди иностранных инженеров, приехавших в СССР были известные немецкие и швейцарские архитекторы – Эрнст Май, Ханнес Майер, Бруно Таут, Ганс Шмидт и другие, специализирующиеся по дешевому жилью для рабочих. Эрнст Май построил жилые районы во Франкфурте на Майне, Бруно Таут в Берлине. Ханнес Майер, директор Баухуза в 1929-30 гг. вместе с Вальтером Гропиусом строил жилые дома в Дессау [18]. Интерес советского руководства в 1920-1930-х гг. к германской строительной практике не случаен. Строительство поселков для малоимущих слоев населения, которое происходит в этот период в Германии в рамках социальных инициатив муниципалитетов, основывается, как это не удивительно, на тех же требованиях, которые провозглашаются как требования к жилищу, возводимому на общегосударственные средства советскими ведомствами для рабочих и служащих – максимальная экономичность, стандартизированность, рациональность, технологичность возведения, максимально возможная скорость проектирования и строительства и т.п. [19].

В советской архитектуре 1930-1940-х годов в первую очередь задан смысловой образ, а затем уже функциональная, конструктивная и эстетическая целесообразность. В 1930-е годы архитектурный утопизм в условиях устанавливавшихся тоталитарных режимов отбросил прогрессистские установки авангарда. Используя мифологемы "вневременных ценностей", "будущего, равного вечности", соединяющего в себе все достижения человечества, утопизм обратился к историзму.

Событием, в котором наметилась вовлеченность историзма в сферу пропагандистской деятельности, стал конкурс на Дворец Советов в Москве,

объявленный в 1931 г. Первый его тур послужил для уточнения программы, в которой как в фокусе сошлись проблемы, вставшие перед советской архитектурой к началу 1930-х гг. – единства структуры города, архитектурного ансамбля, идеологизации образа сооружения. Второй тур конкурса (среди 160 проектов 24 подано архитекторами других стран) предложил широчайший диапазон подходов к задаче – от авангардистских до ретроспективных, от ортодоксального рационализма до романтического символизма. Высшими премиями были отмечены неоклассический проект И. Жолтовского и близкие к арт-деко проекты Б. Иофана и американского архитектора Г. Гамильтона. Совет строительства Дворца Советов, который возглавлял В. Молотов, в решении о дальнейших работах над проектом отметил, что "поиски должны быть направлены к использованию как новых, так и лучших приемов классической архитектуры". Эта установка была воспринята как программная для развития всей советской архитектуры. Дворец Советов задумывался как осуществленная утопия, воплощение сталинистского мифа, который настойчивыми усилиями пропагандистского аппарата внедрялся в массовое сознание. В такой постановке цели возникала общность с тоталитарной идеологией; она, как следствие, породила установку на монументальность и самоценность поражающих сознание гигантских величин. Той установке на торжество человека, о которой говорил Луначарский, это уже прямо противоречило [20]. Переломным моментом в сфере архитектурного проектирования стал 1932 г., когда после проведения конкурса на главное здание СССР – Дворец советов, в Советском Союзе была окончательно запрещена современная архитектура. С этого момента проектировать в СССР можно было только в классицизме, с использованием "классического наследия".

Исходным пунктом в формировании универсальной модели градостроительного творчества стал генплан реконструкции Москвы 1935 года, архитектора В.Н. Семенова. Установки, сформировавшиеся в процессе его разработки, легли в основу концепции города-ансамбля (рис.1-3). В.Н.Семенов писал: "В социалистическом городе не должно оставаться старых дефектов. Но это требование негативного характера. Архитектура же социалистического города должна нести в себе положительное творческое начало. Это начало – в сложной композиции социалистического города". Проект города – это образ города не только в плоскости, но и в объемах" [21].

В 1935 г. возникла полемика между Г.В. Шелейховским и А.М. Мостаковым. Последний выступил в "Архитектурной газете" со статьей, где утверждал приоритет архитектурно-планировочной композиции перед всеми другими факторами формирования города. Возражая ему, Шелейховский писал: "Считается допустимым как некий главенствующий мотив и основание к

принятию той или иной композиция городского плана, суждения о красоте так называемого (как это в ходу у некоторых планировщиков) "планировочного пятна", как будто и впрямь прав т. Мостаков, что "законы психологического воздействия на зрителя одинаковы и для города в целом и для любого объемного сооружения"? Что это – сверхчувственность постижения зрителем города его плана или забота о полноте эстетических переживаний стратонавтов, взору которых только и будет открываться эта целостность композиции города? Неужели жители советского города стали эстетамы в такой мере, что готовы ежедневно по два раза затрачивать на переезд к месту работы до I часа времени ради "хорошо прорисованных" контуров города, в которых арх. Мостаков и те, что с ним, найдут то ли успокоительную "мягкость линий", то ли "четкость рисунка", "гармоничность" "перекликающихся" и "хорошо звучащих" частей легко читающегося целого?" [22]. После съезда архитекторов 1937 г. и предъявления "лжеученым" политических обвинений различие точек зрения на проблему формирования города стало уже невозможным.

Рис. 1. В. Семенов.
Генеральный план
г.Москвы, 1935 г.

Рис. 2. Б. Иофан, В. Щуко, В.
Гельфрейх. Дворец Советов
г.Москвы, 1937г.

Рис. 3. Б. Иофан, В. Щуко, В.
Гельфрейх. Дворец Советов г.
Москвы, 1943-1945 гг.

На базе планировочной практики и в соответствии с директивами партии и правительства определялись основные принципы советского градостроительства, самые главные из них состояли в следующем: а) недопущение чрезмерного роста городов; б) плановое строительство и благоустройство города; в) уничтожение противоположности между городским центром и окраинами; г) целостная застройка улиц, площадей и жилых районов, обеспечивающая достижение архитектурных ансамблей города; д) социально-бытовое обслуживание жилых районов.

Город в руинах и город в проектах: советское градостроительство 1941-1945 гг. Начало Второй Мировой войны временно прервало огромную работу по социалистической реконструкции советских городов и сел. К началу Отечественной войны в СССР уже насчитывалось 354 новых города, а общее

количество городского населения в стране увеличилось с 26 млн. (1926 г.) до 56 млн. жителей (1939 г.) [14, с.30]. На протяжении войны архитекторы активно участвовали в военном строительстве, в частности проводили большие маскировочные работы, создавали проекты военно-агитационного оформления улиц, агитационные плакаты, работали над проблемами будущего восстановления города.

Члены Академии архитектуры возглавляли десятки бригад проектировщиков, в оперативном порядке рассылаемых Комитетом по делам архитектуры в разрушенные города для их предварительного обследования. Эти поездки оставляли сильное эмоциональное впечатление: "Вид Новгорода-пепелища - говорил А.В. Щусев - потряс меня. Новгород как таковой не существует, стоят только обгорелые стены. Ряд ценных памятников архитектуры совершенно разрушен, но подавляющее большинство памятников уцелело. Они стоят с пробоинами, растрескавшиеся, без крыш. Их необходимо немедленно чинить и за это дело уже взялись энтузиасты-реставраторы" [23].

Жан-Луи Коэн – историк архитектуры и куратор огромной выставки "Architecture in Uniform" с подзаголовком "Дизайн и строительство во время Второй мировой войны", утверждает, что "война послужила ускорителем технологических инноваций и производства, что привело к превосходству модернизма в архитектуре", архитекторам пришлось участвовать в разработке новых тактик наступления и защиты, схем размещения мирного населения, концлагерей, воздействовать на способы захвата, разрушения и восстановления городов [24].

Война на какое-то время практически полностью переключила внимание архитекторов на вопросы, связанные с эвакуацией в восточные районы страны промышленных предприятий и людей. Однако уже в 1942 г. началось обсуждение вопросов, связанных с будущим восстановительным строительством. Главный вопрос заключался в том, как временные постройки барачного типа превратить в социалистический город, отвечающий требованиям ансамблевости и системного подхода. Одним из подходов к переформированию жилого проектирования было создание концепции "эталонных поселков". С первых же месяцев войны началась величественная эпопея перемещения производительных сил – рабочих, заводов, фабрик – из областей, подвергшихся угрозе оккупации, на восток, в глубокий тыл, что потребовало мощного и срочного развертывания строительных работ в этих районах страны. С июля по ноябрь 1941 г. на восток страны было эвакуировано более 13 600, а за три года в восточных районах страны построено 2260 новых крупных промышленных предприятий. Около полутора тысяч крупных промышленных предприятий, эвакуированных в первые полгода войны, уже через три-четыре месяца стали

выпускать продукции больше, чем до войны. В том же 1941 г. были приняты два важных постановления СНК "О строительстве военных предприятий в условиях военного времени" и "О строительстве для эвакуированного населения" [25].

На V сессии Академии архитектуры, проходившей в 1942 г. в Чимкенте впервые прозвучали задачи восстановительного строительства: за военные годы на территории СССР были разрушены и сожжены 70 тыс. сел и деревень, 1710 городов и поселков городского типа, в результате 25 млн. людей остались без крова. Гитлеровцы разрушили 31 850 промышленных предприятий и других объектов, среди них 61 электростанция, 40 тыс. больниц, 84 тыс. школ [25, с.105]. Первые победы напрямую связаны с перестройкой экономики, которая к 1942 г. была полностью переориентирована на производство вооружений за счет сокращения выпуска гражданской продукции.

При строительстве промышленных предприятий возникали новые методы организации работ, например, совмещенный график строительных работ и монтажа оборудования, крупноблочный монтаж конструкций и оборудования, предварительно собираемых вне места установки. Строительство промышленных объектов в целом ряде случаев удалось сразу же совместить с возведением жилья и остро необходимых объектов культуры, которые выросли в дальнейшем в крупные поселки [25, с.104-105]. Всего построено и введено в действие государственными и кооперативными организациями (без колхозов), а также городским населением: в 1940 г. – 12,1 миллионов квадратных метров общей площади жилищ; 1942 г. – 5,8; 1943 г. – 10,5; 1944 г. – 15,7; 1945 г. – 15,0. На протяжении 1941 – 1946 гг., построено 49,8 миллионов квадратных метров и 24,8 в районах подвергавшихся оккупации [26]. За годы войны в тыловых районах страны было построено 3500 крупных промышленных предприятий. В районах, освобожденных от оккупации, было восстановлено 7500 разрушенных во время войны крупных предприятий. В годы войны активно развивались скоростные методы строительства. Высокие темпы восстановительных работ обеспечили быстрое возрождение народного хозяйства в освобожденных районах. На территории СССР во время Великой Отечественной войны и после её окончания на восстановительных работах спонтанно работали добровольческие бригады, получившие название "черкасовское движение", от имени сталинградской работницы Черкасовой. Зародившись в 1943 г. в Сталинграде, оно быстро распространилось по советским городам, требовавших восстановления.

В 1943–1944 гг. задача скорейшего восстановления разрушенных войной городов была жизненно необходимой. 29 сентября 1943 г. был создан Комитет по делам архитектуры при Совнаркоме СССР – первого в истории государственного органа, призванного руководить архитектурой в масштабе

страны [25]. Ответственность за высокое архитектурное качество проектно-планировочных работ восстанавливаемых городов возлагалось на консультанта по архитектурно-планировочным вопросам, который состоял при Комитете по делам архитектуры при СНК СССР и обязан был составлять схемы генерального плана города, руководить работами или консультировать.

Архитектор П.С. Белиц-Гейман, обследовавший Воронеж в 1943 г, писал в своем докладе: "Как организован план восстановительного строительства? Объекты выбраны случайно, без достаточной инвентаризации... С временным строительством там плохо, и это угроза будущей правильной организации города, так как не только индивидуальные, но и другие виды строительства происходят вне влияния архитектора, который должен наблюдать за генпланом..." [27]. Архитектор А.Е. Пожарский, побывавший на обследовании Сталинграда, докладывал: "Люди живут в блиндажах, в землянках или даже в щелях... Трамваев нет, канализации нет, водопровод частично на некоторых участках... На основной магистрали похоронено большое количество убитых. Сейчас возникла трудность. Оказалось необходимым отвести магистраль в сторону... За оставшиеся сталинградские коробки (от 2 до 4 стен) происходит большая борьба. Все учреждения пытаются получить разрешение от городского архитектора и городских организаций на восстановление коробок, чтобы производить работу и использовать под жилье.. В Сталинграде строят буквально на перекрестках улиц самых ходовых... Этот хаос вызван тем, что управление горархитектора на месте не имеет данных, где надо отводить участок, как надо отводить, они пользуются старыми проектами планировки, составленными Гипрогором... Хочется пару слов сказать о коммунальных отделах и распределении участков. Руководители – неграмотные люди, незаинтересованные, которые смотрят сквозь пальцы. На 1000 участков просачиваются нелегальщики, которые строят на тех участках, которые понравятся..." [28].

Искания новых путей в советской архитектуре военного времени характеризовались некоторым хаосом градостроительства, который возник в результате того, что координация строительства осуществлялась только вследствие практических и экономических сторон вопроса. Выступая в 1945 г. в Академии архитектуры СССР Г.П. Гольц говорил: "...до сих пор было много хороших и умных проектов планировки, но мало хороших городов; в городах стройка шла случайно, распыленно, без единого архитектурного замысла. Сейчас наша цель – сделать все возможное, чтобы восстановить прекрасные города, достойные нашей великой Родины" [29]. Большие объемы быстрого и дешевого строительства вокруг промышленных предприятий характеризовались низким качеством строительства и негативно влияли на планировочную

структуру городов, которые отличались расчлененностью и хаотичностью. Понимание города как придатка промышленных предприятий, привело к реализации малоэтажных поселков, частично облагороженных стараниями архитекторов. Так, в конце войны началась массовая корректировка довоенных генпланов с переориентацией их на подавляющее преобладание малоэтажного строительства. Архитектор П.С. Белиц-Гейман писал в своем докладе: "если в вопрос организации подготовки, начиная с такого мероприятия как инвентаризация и проч., не вмешаться, то несомненно временное строительство жилья и подобных предприятий скажется чрезвычайно отрицательно на дальнейшем развитии этих городов и возможности их удовлетворительного восстановления" [9, с.28].

Для разработки проектов разрушенных городов были сформированы архитектурные мастерские с привлечением крупнейших советских зодчих: А.В. Щусева, Б.М. Иофана, К.С. Алабяна, В.Г. Гельфрейха, Г.П. Гольца, Н.Я. Колли, Л.В. Руднева, В.Н. Семенова, С.В.Чернышева и др. Огромное внимание уделялось Сталинграду, уже осенью 1943 г. в мастерской академика К.С. Алабяна была разработана схема генеральной планировки, тогда же утвержденная Госпланом СССР. Архитекторы, сохраняя все то лучшее, что было заложено в основу планировки города, максимально используя все уцелевшие коробки зданий, стремились улучшить застройку города, раскрыв его к реке. Привлечение членов Академии архитектуры к проблемам разрушенных городов, их предварительным исследованиям, давал ощущение активного процесса восстановления.

Важную роль сыграла перестройка проектного дела – перемещение проектирования на место, в непосредственную близость к строительным работам и проведение проектных работ практически параллельно со строительными. Экстремальность ситуации военного времени требовала серьезных научных поисков новых приемов строительства и новых строительных материалов. Поэтому научные исследования Академии архитектуры в первую очередь касались выявления всех возможных приемов максимального использования местных ресурсов. Большую экономию средств давало использование местных строительных материалов, использование конструкций применявшихся в народной архитектуре. Действовали упрощенные строительные нормы и правила – в январе 1942 г. были изданы "Схемы промышленных зданий для строительства в условиях военного времени", предписывающие строить производственные объекты максимально компактными и недорогостоящими в эксплуатации, например, ограничивалась ширина корпуса, благодаря чему отпадала необходимость в фонарях для дополнительного естественного освещения, простая двухскатная кровля решала

проблемы водостока и снегоочистки и т.д. Инженером А.И. Рабиновичем были предложены покрытия из тонкостенных кирпичных сводов двойкой кривизны, которые получили большое распространение.

Поскольку особенно остро стояла проблема строительных материалов, предлагалось широкое использование дешевых материалов, а также новых, созданных на их основе конструкций. Над созданием новых эффективных строительных материалов А.К. Буров начал работать в Академии архитектуры СССР еще в 1940 г. в связи с постройкой крупноблочных домов. Эксперименты, начатые перед войной, были возобновлены в 1943 г. в связи с необходимостью замены дефицитных строительных материалов. Подготовку к послевоенному строительству, настраивание на "систему архитектурного мышления" А.К. Буров видел в создании большой теоретической работы, подводящей итог опыта предыдущих лет и раскрывающей новые проблемы послевоенного строительства и будущего архитектуры. А.К. Буров в феврале 1943 г. пишет в своем дневнике: "Я надеюсь, что смогу заняться по настоящему архитектурой и готовиться к проекту восстановления города, который мне дадут. Архитектура снова, и как никогда, увлекает меня – для подготовки к большой работе надо себя настроить, ввести в систему архитектурного мышления...начать это восстановление на другой день после разгрома врага. Вести его с огромной скоростью и готовиться к нему сейчас. Материал, конструкция, целесообразность решения, экономия, взятые вместе, дадут решение, за которое скажут "благодарю". Все это должно быть самым лучшим, наиболее целесообразным, современным и передовым... Нужно, чтобы мы, архитекторы, восстановили страну так, чтобы люди, потерявшие все, получили бы не "жилплощадь", а то, что они потеряли – домашний очаг, и лучший, чем они имели. Для этого нужна индустрия" [30].

Города являлись своеобразной экспериментальной площадкой, где создавались и совершенствовались передовые методы строительства, формировались новые типы зданий, приемы планировки жилых комплексов. Так в Магнитогорске, еще задолго до создания типовых проектов многоэтажных жилых домов, была создана своя серия типовых секций с единым конструктивным решением, широко практиковалось повторное применение проектов зданий. Такой метод проектирования обеспечивал высокий уровень индустриализации строительства, позволял ввести специализацию работ на строительном потоке [31].

Романтическая составляющая архитектуры первых послевоенных лет в большой степени была подготовлена волной "бумажного проектирования", относящейся к последним годам войны, поскольку начиная с 1942 г.

организовывались конкурсы на проекты восстановления городов, памятников героям и событиям Великой Отечественной войны.

Архитектурный образ будущего города: Сталинград, Киев, Смоленск, Новороссийск. Создание собственного образа социалистического города, на основе общих мифов, переживаний, исторической памяти и общей массовой культуры, сформировали новую коллективную национальную идентичность народа-победителя. В последние два года войны и первые два года после нее сформировалась послевоенная концепция города. С одной стороны архитекторы военного времени сконцентрировались на создании знаков, обозначающих связь с культурой прошлого, и отсылок к исторической памяти в системе, отражающей идеальные представления о будущем. Вторым концептуальным направлением было осознание самоценности и значительности реальной жизни. Советский Союз не просто восстанавливал разрушенные войной хозяйственные инфраструктуры, но и внедрял передовые технологии. Практически реализовывалась опережающая модель развития. Тотальная мифологизация жизни советского человека вытесняет идеи социального переустройства с помощью архитектурно-планировочных средств на периферию профессионального сознания. Акценты постепенно смещаются с жизнестроительных концепций соцгорода и соцрасселения (1929-1932) к парадно-репрезентативным идеям "города-организма" (1935-1941) и "города-монумента" (1943-1955) [32]. В своем вступительном слове К. Алабян подчеркивал: "...сегодня сделать центральными вопросами проблемы большой архитектуры я считаю для себя неправильным. Сейчас главная задача – это массовая архитектура, средний уровень советской архитектуры" [33]. В связи с этим, по мысли К. Алабяна, особое значение приобретала разработка механизмов градорегулирования, позволяющих городу нормально развиваться, организационные вопросы застройки городов.

Нерасположенность к научно-теоретическим поискам, характерная для советского градостроительства послевоенного периода, усугублялась крайней сжатостью сроков, форсированными темпами восстановительных работ. Основную задачу удачно выразил президент Академии архитектуры В.А. Веснин: "Главная задача заключается в том, чтобы не просто восстанавливать разрушенное, механически копируя недочеты, имевшиеся в прежней планировке и застройке городов, а в том, чтобы создать города, ансамбли и отдельные здания еще более красивые и величественные, чем они были до разрушения" [34].

До войны большая часть мастеров занималась в основном "бумажным" проектированием. На Всесоюзном совещании руководящих работников республиканских управлений по делам архитектуры и главных архитекторов

городов в декабре 1944 г. К.С. Алябян говорил: "Многим понравилась сделать проект, вывесить в Союзе, показать, получить похвальное слово от товарищей – "вот здорово ты сделал, облака какие, какой воздух, какая перспектива, проект интересный", и этим он удовлетворится, сделает фотографии, имеет альбом. Он на этом успокаивается...Очень много архитекторов, средних по возрасту, но очень талантливых или очень мало строят, или вовсе не строят...Мы должны добиться того, чтобы практической деятельностью занялись в первую очередь люди, которые доказали, что они достойны получить здание на ответственных улицах наших городов" [35].

Язык архетипов был основным средством работы над образом, использовавшееся в проектах. На эту особенность "академических" проектов восстановления городов указывают, в частности, М.И. Астафьева и Ю.П. Волчок: "Поиски новых приемов формообразования в сороковые годы были невероятно сложными, так как внешнее проявление формы обязано было быть всегда узнаваемым, способным породить возможно широкий круг исторических ассоциаций, и при этом ассоциаций, точно идейно ориентированных... На этой основе складывается характерная типология как ориентиров в истории культуры, так и архетипов архитектурной формы... Курган, пирамида, зиккурат, обелиск, стена оборонительной крепости, триумфальная арка, вечнозеленый парк, дом... Во многих проектах это, собственно, не столько сама форма, сколько образ формы – и отсылающий к традициям, и порождающий новое морфологическое решение и новые космологические ассоциации. Проекты восстанавливаемых городов, собирая их воедино, формировали качественно новую программу жизнестроительной деятельности после Победы" [36].

Одним из самых важных моментов для понимания характера послевоенного градостроительства было восприятие жизнестроительной изменчивости города как временного, но устранимого явления. В ходе начального этапа восстановления разрушенных городов особенно ярко проявились не только признаки самоорганизации города, основанные на определенной инерционности его структур, но и обусловленные целым рядом, казалось бы, внешних по отношению к профессии архитектора факторов – поведением населения, деятельностью промышленных ведомств, позицией городских властей и т. п. Однако, это не было принято во внимание. Город для архитектурного-градостроительного сознания по-прежнему оставался безжизненным объектом манипулирования, полностью подчиненным проектной воле архитектора [9, с.30]. Особенно на реализацию потенциала саморазвития городов влияли документы, регулирующие градостроительную деятельность. Градостроительство в СССР рассматривалось и использовалось как средство

решения социально-организационных, социально-управленческих, производственно-экономических задач и было всецело подчинено стратегическим планам власти. Например, отдельные хозяйственные организации и министерства мало уделяли внимания развитию городов, и, руководствуясь узковедомственными интересами, большинство жилых зданий строили вблизи предприятий.

Градостроительство послевоенного времени рассматривается Ю.Л. Косенковой как внутренне конфликтное явление, определяемое целым рядом факторов: противоположностью векторов идейно-политических требований, предъявлявшихся градостроительству, и задач выживания в условиях послевоенной разрухи; несовместимостью общих установок по формированию города и исторически сложившихся структурной основы и архитектурно-художественных традиций многих городов, разнонаправленными интересами участников градостроительного процесса. Градостроительство послевоенного времени – это драма постоянного балансирования между результатом желаемым, в равной мере порожденным как общественным идеалом эпохи, так и официальной идеологией, и результатом действительным, скорректированным, часто до прямой противоположности, реальной жизнью [9].

Специфический характер восстановления городов СССР сложился в результате особенностей жизни советского общества: социально-политической, экономической, духовной. Еще в 30-е годы начался процесс образования отдельных групп городов, складывающихся в своеобразные экономически и территориально обусловленные агломерации. Вначале процесс этот протекал стихийно, затем стал осмысливаться как закономерный. В 40-е годы после Великой Отечественной войны это явление (например, в работах В. Шкварикова) получило теоретическое обоснование и стало рассматриваться как новая форма расселения, адекватная новому уровню развития производительных сил страны. В частности, в связи с этим уже со второй половины 50-х годов значительно возросла роль районной планировки. Критический анализ довоенного опыта и особенно первых лет восстановления народного хозяйства после войны позволил убедиться в огромном научном и практическом значении этого рода архитектурной деятельности [37]. Желание сформулировать для себя те изменения в критериях творчества, которые необходимы в новых, послевоенных условиях, ощущалось у всех участников дискуссии "Творческие вопросы современного архитектора", состоявшейся в Союзе советских архитекторов 10 августа 1943 г., но наиболее ярко сумел выразить общее настроение М.Я. Гинзбург: "Можно ли себе представить, что те колоссальные бедствия, которые понесла наша родина, те потоки крови, которые пролиты лучшими нашими сынами за родину, останутся без влияния на

творчество каждого из нас. Чудовищна сама мысль о том, что это может остаться без влияния на нашу работу". Гинзбург назвал такой критерий, который "может быть вынесен за скобки... творческого разнообразия, должен быть в одинаковой степени применим к каждому из нас" – это человечность архитектуры. С этих позиций он попытался оценить то, что было сделано до войны в Москве, в рамках реализации ее генерального плана. Как велась эта работа? Было решено, что это улица (ул. Горького), по которой проезжают наши триумфаторы с аэродрома. Следовательно, эта улица триумфальная, и мы пришли к такому выводу, что она должна быть расчленена воротами, пилястрами, колоннами, и на этом окончилось. Вот вам гуманизм в решении одной из главных магистральных улиц города. Разве это правильно? Разве мы думали о том, чтобы люди жили в квартирах не по 5-6 семей в одной квартире, чтобы люди имели сад возле своего дома, чтобы дети имели место для своих игр, чтобы было место для спорта, - то есть думали ли мы о самых примитивных вещах, которые определяют настоящий гуманизм, настоящую человечность в архитектуре? Мы плохо думали, и в результате получилось, что это улица героев, да и целый ряд реконструированных магистралей Москвы оказались нарядными, помпезными, но ни одна из них не решала простых человеческих проблем, простого, удобного жилища, пригодного для всех поколений семьи. Такого жилища, такой улицы, такого двора, такого сада, такого бульвара мы не создали, потому что настоящий гуманизм у нас остался висеть где-то в пространстве и не был нами как следует воспринят" [9, с.32].

Примерно такие же настроения преобладали и на XI пленуме правления ССА, открывшемся тогда же, в августе 1943 г. С докладом выступил А.Г. Мордвинов, которому вскоре предстояло возглавить вновь создаваемый Комитет по делам архитектуры при СНК СССР. Выступление было посвящено вопросам создания высококачественной массовой архитектуры: "Существует противопоставление массового строительства проектированию монументов. Массовое строительство, извольте ли видеть, не искусство, а монументы – это чистое искусство. Нет сомнения, что над монументами нужно работать, но такое противопоставление неверно и вредно. Строительство малоэтажных жилых домов – какая это благородная и вместе с тем благодарная задача, создать для человека уютное, теплое, красивое жилище, дающее ему радость жизни. Здесь тоже поэзия, но не пафос Победы, как монументы, а лирика. Эта лирическая поэзия рождена из любви к человеку, к народу" [38]. Нарастание новой волны "монументализации" задач градостроительства стало ощущаться уже в 1944 г. - в этом видели специфику советского градостроительства. На Всесоюзном совещании руководящих работников республиканских управлений по делам архитектуры и главных архитекторов

крупнейших городов, проходившем в декабре 1944 г., В.В. Бабуров, возглавлявший Управление планировки и застройки городов Комитета, отметил, что если англо-американскую архитектуру не волнует проблема художественного градостроения, то мы "прежде всего выдвигаем монументальные задачи градостроительства ...эту задачу, по-видимому, должны взять на себя общественные сооружения, административные сооружения, и не следует думать, что эта задача может быть поднята жильем. Задачи индустриализации жилья, изготовление жилья на заводе, сборка и монтаж его на месте, облегченные конструкции жилья - они вычеркивают и лишают нас возможности решать монументальные задачи" [39].

В рукописи А.М. Касьянова "Краткое руководство для главных архитекторов городов" (Харьков, 1945 г.) были определены главнейшие правила композиции городского плана – "работа над архитектурной композицией плана города должна продолжаться до тех пор, пока нарушение какой либо, даже незначительной части композиционного скелета плана, не будет приводить к нарушению всей композиции. Только после этого план может быть признан законченным в композиционном отношении. Естественно, что последнее правило нельзя рассматривать только в пределах двухмерной плоскости. Должно быть всегда достигнуто композиционное единство между планом города и, по крайней мере, архитектурой его основных узлов" [40].

Так, на Всероссийском совещании главных архитекторов городов в июле 1945 г., председатель Комитета по делам архитектуры А.Г. Мордвинов дал семь условий, которые необходимо соблюсти, чтобы "создать город": связь города с природной средой, раскрытие ее красоты, наличие в проекте города и в самом городе ясного композиционного стержня центр - главная улица - привокзальная площадь, концентрация крупных общественных зданий, имеющих высотную композицию, на решающих узлах города; ансамблевая и комплексная застройка жилых улиц и кварталов; окраска зданий в светлые тона; рациональное проектирование и комплексное осуществление инженерного оборудования города; непрерывная борьба за высокое качество проектов и строительства [41].

Предпочтительными типами организации пространственных связей городского центра считались классицистическая трехлучевая схема и система взаимно перпендикулярных осей в римском духе. В 1930-е годы на существующую ситуацию пытались наложить попеременно каждую из этих схем или найти компромисс, используя одновременно. В военные и послевоенные годы предпочтение было отдано планировочной схеме кардо и декуманус, перекрестье которых по советскому градостроительному канону фиксировалось площадью Дома советов, а поперечная ось завершалась

привокзальними площадями-вратами. После войны появляется новый градообразующий элемент, соперничающий с образом Дома советов – памятник в честь Победы. В сборнике научных статей, вышедшем в 1945 г., А.В. Бунин писал: "Но что составляет становой хребет городского плана? Альберти, а вслед за ним и Скамоцци, давая описания планов своих идеальных городов, говорят о главной улице, которая должна вести от главных городских ворот к центру города. Внимание этих теоретиков фиксируется на въезде в город, на главной улице и на центре города. Такова, собственно, основа городского плана и современного рядового города, с той только разницей, что на месте городских ворот теперь стал железнодорожный или водный вокзал" [42].

При поразительном обилии общей риторики о необходимости "мыслить ансамблями" единственной более или менее обстоятельной работой, где была сделана попытка разобраться в этом вопросе, стала диссертация Д.М. Арановича "Формирование архитектурной композиции города". Статичность "города-ансамбля", по мысли Д.М. Арановича, должна быть преодолена движением самого наблюдателя, последовательным наслаиванием впечатлений, приводящих в конечном итоге к целостному образу "Представляя собой сложную композицию - писал Аранович - архитектурный образ города не может быть выражен концентрированно. Архитектурный образ города должен быть решен как последовательно раскрывающийся, широкий образ; по аналогии с последовательно раскрывающимся эпическим образом в литературе и симфонической музыке". Стремление совместить застывшую статику ансамблей и динамику развивающегося города заставило Д.М. Арановича ввести понятие комплекса [9, с.34]. Внутренняя противоречивость "мышления ансамблями" заключалась и в том, что художественная целостность города как заданная цель неизбежно распадалась, превращаясь в свою противоположность, в силу замкнутой на себя природы ансамбля. Желание найти некую связующую субстанцию, в которой "плавали" бы законченные совершенные ансамбли, ощущается во многих размышлениях "на заданную тему" середины 40-х годов. Если для Арановича это исторические наслоения застройки, постепенно возводимые в превосходную степень ансамблей, то для Д.Е. Аркина – природная среда. В ней он видел возможность дать городу свободное дыхание, преодолев изначальную статичную дискретность ансамблей.

В докладе, сделанном на творческой дискуссии в ССА "Новое в архитектурном творчестве в годы войны и послевоенного строительства" прошедшей 2 апреля 1945 г., Аркин говорил: "Теперь, когда перед нами стоит проблема архитектурного воздействия на современный город, как на что-то целое – этого недостаточно, недостаточно как первого орудия – регулярного плана, так и второго орудия – орудия ансамбля, которое охватывает отдельные

куски города, отдельные улицы и набережные. Мы говорим о чем-то еще более универсальном, более действенном в смысле архитектурного влияния – об единстве города. Мы говорим, что и планировка, и ансамбль включаются в понятие городского пейзажа и городского организма... Речь идет о том, чтобы сохранить в городе природу, сделать эту природу элементом архитектуры" [9, с.35].

Кроме того, одной из главных причин крупных недостатков в застройке городов и невыполнения планов жилищного строительства являлось то, что строительство велось многочисленными мелкими строительными организациями, в ряде случаев не имеющими мощной производственной базы, транспорта и строительных механизмов. Так, в городах, ведущих сравнительно небольшое жилищное строительство имелось очень много подрядных строительных организаций: в Уфе – 35, Ярославле – 16, Смоленске – 19, Туле – 15, Курске – 14, Краснодаре – 13, Вологде – 13, Калининне – 13, Чкалове – 13, Новороссийске – 10 [43, 44].

За 1946 – 1952 годы в жилищное строительство в городах и рабочих поселках было вложено государственных средств 80,3 миллиарда рублей в сметных ценах, введенных с 1 июля 1950 года. За этот период построено вновь и восстановлено 78,2 миллиона квадратных метров жилой площади, а с добавлением площади кухонь, коридоров и других вспомогательных помещений ввод в действие государственного жилого фонда составил 111,2 миллиона квадратных метров. Кроме того, в городах и рабочих поселках за период 1946-1952 гг. населением с помощью государственного кредита построено жилых домов общей площадью 45,1 миллиона квадратных метров. Всего введено за этот период государственного жилого фонда и индивидуальных жилых домов общей площадью 156,3 миллиона квадратных метров [45]. Несмотря на большой рост городского жилищного фонда, потребности в жилье не удовлетворялись, что было обусловлено значительным ростом численности городского населения особенно в послевоенный период. Средняя обеспеченность жилой площадью в 1952 году осталась на уровне 1950 г. и незначительно превысила уровень 1940 г. Выполнение планов жилищного, коммунального и культурно-бытового строительства РСФСР за 1946-1948 гг. характеризуется следующими данными: Сталинград – 48% к сумме планов на 1946, 1947 и 1948 гг.; Смоленск – 48%; Новгород – 62%; Новороссийск – 60%. В большинстве разрушенных городов РСФСР, особенно в Сталинграде, Севастополе, Смоленске и Вязьме обобществленный жилой фонд значительно ниже довоенного [46].

Анализируя первый этап проектирования восстанавливаемых городов, нельзя не обратить внимание на повышенный интерес к художественно-эстетическим проблемам архитектуры. Конечно, социально-функциональные

вопросы, как неотъемлемая часть работы над городом, безусловно ставились и решались. Но основную энергию зодчие все же направили на решение центров городов. Тема военного триумфа, тесно переплетаясь со спецификой публично-репрезентативного существования советского человека, ярко проявлялась в образном характере жилой застройки [32, с.69].

Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что безудержное стремление к декорированию жилых домов захватило широкие круги архитекторов, привело к украшенчеству и эклектике в архитектуре. Формалистические искания настолько поглотили внимание архитекторов, что в забвении оказались первостепенные вопросы удобств жилых домов и благоустройства кварталов. Вследствие того, что типовых проектов 4-5-этажных жилых домов не было, строительство домов такой этажности осуществлялось по индивидуальным проектам и лишь частично по проектам повторного применения [47]. Общий уровень архитектуры общественных зданий был выше, чем жилых. Авторы первых показывали больше зрелости и мастерства в планировке и архитектурно-художественном решении зданий. Тем не менее уровень не отвечал требованиям, предъявляемым к архитектуре современных зданий. Композиции классицизма или ампира целиком переносились в современные общественные здания, в результате чего становилось трудным понять дату строительства нового сооружения.

Большое значение придавалось массовому внедрению в строительство типовых проектов жилых домов, а также общественных зданий и промышленных сооружений. Лев Руднев, действительный член Академии архитектуры СССР, заявлял: "если до сих пор проектирование и строительство жилых и гражданских зданий проводились с недостаточным применением типовых сборных железобетонных конструкций, если повсюду имел место перерасход металла и древесины, то это не объясняется технической отсталостью строительной индустрии, а является результатом невнимания и проектировщиков, и строителей к вопросам внедрения передовых методов производства строительных работ. Для успешного развития строительной промышленности, внедрения крупнопанельного и крупноблочного домостроения требуется значительно изменить методологию проектирования городов, магистралей и отдельных зданий" [48]. В статье А.Е. Аркина "Архитектура города и типизация жилища" связующей субстанцией, объединяющей ансамбли в единое целое и вместе с тем дающей городу свободу развития, служит не историческая застройка и не природа, а массовое жилище на основе типизации, его "органические типы". "Массовость и индустриальность жилищного строительства ломают привычное представление архитектора об уникальности дома, как законченного произведения архитектуры, дом

становится элементом множества, частью застройки. Массовость и индустриальность требуют упрощения объема, упрощения деталей. Против того и другого восстает архитектор... В действительности же именно массовость застройки является основой возрождения градостроительства как искусства. Она переносит центр тяжести в сочетание типо-объемов строений в системе города. Архитектор из украшателя и декоратора превращается в создателя пейзажа города" [49].

В 1948–1952 гг. в ряде советских городов в целях поиска наиболее экономичных и рациональных архитектурно-планировочных и конструктивных решений крупнопанельных домов, технологии их производства и монтажа организуется экспериментальное строительство [50].

Введение зарубежного опыта, применительно к советским городам, привело к острой полемике и осуждению. Например, газета "Культура и жизнь" в редакционной статье "Буржуазные космополиты в архитектурной теории и критике", опубликованной 22 марта 1949 г., разоблачала антипатриотическую деятельность архитекторов-космополитов Аркина, Гинзбурга, Бурова и других, пытавшихся направить советскую архитектуру на путь подражания современной упадочной архитектуре Америки. Были проведены партийные собрания в Комитете по делам архитектуры при Совете Министров СССР и Академии архитектуры СССР, организованы выступления и письма многих архитекторов Москвы и других городов с осуждением этой деятельности [51].

Таким образом можно сказать, что в военной и послевоенной советской архитектуре архитектурное проектирование ориентировалось исключительно на художественно-эстетический фактор и потенциал города [52]. Ощущение исторического времени, присущее архитекторам послевоенных лет, в первую очередь связано с осознанием своей функции как связующего звена между прошлым и будущим. Но при этом главным оставалось величие настоящего времени, времени Победы. Экстраполяция в прошлое проявлялась, во-первых, в избирательном подходе к нему. Возражая против предложений показывать памятники как музейные экспонаты на расчищенных от застройки площадках, В.А. Лавров писал: "Чем больше мы будем стараться изолировать исторические памятники, чем больше мы будем доказывать их "музейность" и отчужденность от современного строительства, тем бесполезнее они будут казаться широким массам населения, тем меньше будет стимулов к их сохранению. И именно их органическое включение в современное строительство с тщательным соблюдением всех особых правил их охраны обеспечит памятникам "вторую жизнь", покажет, что исторические памятники не стоят на пути нового строительства ненужным балластом, но являются непременно участниками формирования новых ансамблей, осуществляют

живую связь между прошлым и настоящим, наглядно доказывая своеобразие русских национальных строительных традиций" [53]. "Старое должно быть поставлено на службу новому" - писал В.А. Лавров [54].

Сталинград – не нуждается в представлении. Происходящие в нём события пламенем прошли по заголовкам мировой прессы и в считанные дни превратили их в пылающие страницы истории...Таковыми словами начинается статья о Сталинграде в американском журнале Newsweek, вышедшем в конце сентября 1942-го года.

С самого начала возникновения Царицына (современного Волгограда) строительство города диктовалось общей политикой Московского правительства, направленной на закрепление территории Поволжья и расширение экономических влияний в этом крае [55, с.19]. Утратив в XVIII в. значение военно-оборонительной крепости и превратившись в пункт перевалки грузов, город стал резко разрастаться и, если в 1799 г. численность жителей составляла чуть больше тысячи, то к 1879 г. – 55970 человек [55, с.105]. Практически за столетие Царицын увеличился в 50 раз, в результате чего потребовалось новое планирование с учетом его развития на перспективу. Планировочный строй города принял четко выраженный линейный характер и в этом направлении он продолжал развиваться до Великой отечественной войны. Хотя градостроительное прошлое Царицына не оказало значительного влияния на его послевоенное развитие, некоторая преемственность в планировочной структуре возрожденного города несомненно присутствовала. Была сохранена принципиальная структура, хотя изменились направления улиц и появился выраженный центр.

Война внесла свои коррективы в строительство социалистического города. На месте Сталинграда лежала груда развалин. Было разрушено 41 685 домов, более 100 заводов и фабрик, 110 школ и все лечебные учреждения [25]. Если в 1940 г. жилая площадь в Сталинграде насчитывала 1 032 тыс.кв.м., то в мае 1945 г. – 330 тыс.кв.м., а на конец 1950 г. – 848 тыс. кв.м. [56]. Из восьми районов Сталинграда – 6 были совершенно разрушены и только в двух районах, Кировском и Красноармейском, жилищный фонд сохранился в значительной своей части. Но уже достаточно быстро в Сталинском и Ворошиловском районах были восстановлены и вновь застроены целые улицы – Ленина, Мира, Коммунистическая, Пушкинская и другие. В то же время в Сталинском районе имелось много коробок разрушенных строений и пустырей с остатками разрушений. Жилищный фонд Кировского и Красноармейского районов увеличился по сравнению с довоенным за счет образования новых поселков. "В городе Сталинграде по улице КИМ № 2 в части здания бывшей школы на площади 82 кв. метров² проживает 15 человек...в Сталинграде в Нижнем

поселке на Волгостроевской улице Баррикадного района находится барак № 6 - ветхий, покосившийся, с земляным полом и протекшей кровлей; в нем проживает 74 человека. В том же районе на Металлоплощадке стоит барак № 66, ветхий, стены из горбыля, зимой промерзают, кровля протекает; в нем проживает 22 человека" [56].

Проблемы восстановления Сталинграда начались еще во время войны, когда начало строительных работ не было подкреплено теоретической базой, пользовались еще старыми проектами планировки, составленными Гипрогором. Постановлением Правительства СССР от 22 августа 1945 года «О мерах по восстановлению г.Сталинграда» было предусмотрено восстановление жилищного и коммунального хозяйства. В тот же день было принято решение об организации специального «Главного управления по восстановлению Сталинграда» – «Главсталинградстрой» и архитектурно-проектной мастерской (АПМ) при главном архитекторе города, начальником которой был назначен Василий Николаевич Симбирцев, и 29 октября 1945 года он издает свой первый приказ.

Постановлением Совнаркома СССР «Об усилении строительства жилья и восстановления центра Сталинграда» город был переведен в республиканское подчинение, для строительства жилья и культурно-бытовых объектов создавался Главсталинградстрой в составе трех трестов – Жилстрой, Культстрой и Сантехстрой, одновременно при городском архитекторе была создана архитектурно-планировочная мастерская с привлечением кадровых проектировщиков [57]. Надо прежде всего выделить проект центра Сталинграда Льва Руднева (1944–1950 гг.) и его же Дом Советов в Сталинграде (1952 г., соавтор В. Мунц).

В военном и послевоенном строительстве Сталинграда можно выделить три периода: 1943-1948 гг. – малоэтажное строительство с использованием сборно-щитовых домов и широкого развитого индивидуального строительства; 1948-1955 гг. – переход на капитальное строительство кирпичных зданий, в основном, по индивидуальным проектам, комплексная застройка этими зданиями улиц и площадей города; начиная примерно с 1955г. – переход на массовое жилищное строительство в условиях возрастающей индустриализации и внедрения сборного железобетона. Переход от застройки улиц индивидуальными домами к комплексной застройке микрорайонов типовыми зданиями.

В свете общих проблем типового проектирования большой интерес представлял вопрос о том, как можно сочетать между собой в планировке и застройке города, его района, магистрали, улицы и квартала типовые и повторные проекты домов разных серий. При застройке Сталинграда

применялись различные серии типовых проектов разных авторских коллективов. В Тракторозаводском и некоторых других соседних с ним районах Сталинграда применялись проекты Горстройпроекта и Сталинградгорпроекта; в центральной части города, в застройке Аллеи Героев, применялись индивидуальные проекты Гипрогора, типовые проекты Гипрогора и Горстройпроекта, индивидуальные и повторные проекты Сталинградгорпроекта; в Кировском районе Сталинграда применялись типовые проекты Гипрогора, в Красноармейском районе – проекты Горстройпроекта, Гипрогора, Гипронефти и других организаций [58].

В архитектурном развитии Сталинграда 1930-1950-х годов необходимо различать два этапа довоенный и послевоенный. До войны общий ход проектирования в градостроительстве шел от общего к частному, от образно-пространственного воплощения идеологии социалистического проживания к идее города-организма, призванного стать "памятником эпохи" и постепенно отождествлявшегося с отдельными зданиями-символами. В послевоенный период направление градостроительной реализации проектных поисков архитектурного образа эпохи велось от строительства отдельных монументов к городским ансамблям и городу в целом, т.е. в противоположном направлении от частного к общему [32].

В Сталинграде предвоенного периода архитектурное проектирование основывалось на разработке его генплана как модели образцового советского города. В послевоенный период потребность в новых рычагах идеологического воздействия выливается в разработку концепции города как памятника Победы. Каро Семёнович Алабян – автор генплана реконструкции Сталинграда, один из творцов великого архитектурного мифа, ставшего порождением одного из самых сложных и неоднозначных периодов. Под руководством К. Алабяна был сделан проект застройки района первой очереди восстановления города. Особенность проекта состояла в обновленной трассировке улиц Саратовской и Вокзальной, исправляя угловое направление по отношению к Волге и к основной, параллельной ей сети города. Такое решение стало возможным только вследствие разрушения города, поскольку до войны участок был интенсивно застроен [59]. К. Алабян и его коллектив приняли единственно правильный, по мнению А. Мостакова, метод корректировки в подходах к реконструкции и восстановлению разрушенных городов. В проекте были реализованы основные градостроительные идеи послевоенной реконструкции городов – восприятие со стороны главной улицы создает впечатление единства внутренней структуры всех прилегающих кварталов, дифференцированная планировка, с отдельными комплексами жилых и общественных зданий. В целом планировка ориентирована на целостное восприятие ансамбля всего

города. К. Алабян в своей статье "Контурсы будущего Сталинграда" писал: "...по мере освобождения городов и сел от фашистских оккупантов начинаются восстановительные работы. Восстановление городов не предполагает простого повторения их прежнего облика. Все лучшие достижения мировой, и в первую очередь русской советской, архитектуры должны оплодотворить творческую мысль наших архитекторов. Наш героический народ должен получить города нового, современного типа с гармоническим архитектурным замыслом и высоким уровнем благоустройства. Одна из генеральных тем архитектуры – работа по планировке и застройке Сталинграда, ставшего плацдармом исторического разгрома немецко-фашистских полчищ. Вернувшейся после поездки в Сталинград комиссией Академии архитектуры в составе академиков К. Алабяна, А. Мордвинова, А. Щусева и чл.-корр. Н. Полякова и Г. Кузнецова продуман ряд принципиальных решений плана восстановления города-героя. Создать разнообразную и красочную архитектуру города, отражающую героическое прошлое и настоящее Сталинграда, – такова основная задача проекта. Организующим и архитектурно-композиционным центром города должна стать застроенная лучшими зданиями главная площадь, украшенная величественным монументом героическим защитникам города. С площади будут идти улицы к набережной Волги одному из ведущих архитектурных ансамблей города. Серьезное значение следует придать озеленению города. Для этого в центральной части Сталинграда, в долине реки Пионерки, предлагали разбить парк. На территории Мамаева кургана проектируется сооружение панорамы обороны Сталинграда. В нее включаются действительные окопы, оставшиеся после недавних боев.

Большое внимание при разработке проекта уделяется общему архитектурному силуэту города, открывающемуся наиболее полно со стороны Волги. К работе над проектами по планировке города, его отдельных объектов и над монументами героической обороны Сталинграда привлечены академики: К. Алабян, Б. Иофан, А. Щусев, А. Мордвинов, Л. Руднев, члены-корреспонденты Академии В. Гельфрейх, Н. Поляков. Для оказания помощи местным учреждениям в Сталинграде организуется специальная группа Академии архитектуры.

Заключение Б.М. Иофана и В.Н. Симбирцева по генеральному проекту планировки Сталинграда 1945 года включало оценку архитектурно-планировочной композиции города:

1. Учитывая расположение города на берегу величественной реки Волги и вытянутость города вдоль реки, основные магистрали расположены вдоль Волги, а набережная, в главной части города, решается как основная, озелененная, обработанная террасами магистраль.

2. Учитывая рассеченность города глубокими оврагами и руслами речек, членящими город на отдельные звенья, проект предлагает путем трассировки продольных магистралей, сильнее объединить отдельные районы города. Овраги озеленяются и образуют естественно расположенные и украшающие город парки.
3. Проект, в основном, внимательно учитывает сетку старого города, используя ее.
4. Размещение жилых районов, трассировка основных магистралей, расположение основных площадей, зеленых массивов, использование рельефа местности отвечает природным условиям и особенностям Сталинграда и учитывает характер города как одного из крупных административных, политических и промышленных центров СССР.
5. Правильным является заглубление железнодорожного полотна в пределах центра и переведение товарной станции на Сталинград-11-й. Это создает предпосылки свободнее и с большей парадностью решить центр города. То же относится к выносу грузовых причалов из центра города, что даст возможность в центре создать красивые, хорошо озелененные, доступные населению набережные.
6. Сохранение разрывов между промышленными предприятиями, вывод части предприятий в специальные промрайоны обеспечат лучшую организацию и выход жилых районов к реке Волге" (рис. 4, 5) [60].

Рис. 4. Рабочее совещание членов Академии архитектуры. Проект Дома Советов (Сталинград)

Рис. 5. Проект архитектурного ансамбля центральной части г. Сталинграда

При проектировании Дома Советов для Сталинграда И.В. Жолтовский придерживался следующей концепции: "Сталинград – город-крепость, и формы здания должны отражать это; невозможно использовать традиции русской архитектуры в советском городе, не имеющем памятников старины." Позиция Жолтовского расходилась с общепринятой точкой зрения. Н.Я. Колли писал: "Выражение русской национальной градостроительной традиции обязательно не только для городов с большим историческим прошлым, сохранивших

древние архитектурные памятники. Оно имеет смысл и по отношению к городам, поздно вышедшим на арену культурной жизни, не успевшим сформировать и выработать свои отличительные черты...Город, лишенный исторического наследия, не сумевший за время своего существования обрести свое лицо, свой особый стиль, должен найти свою индивидуальность" [61].

В 1943–1944 гг., когда война еще продолжалась и только началось восстановление страны К. Буров с архит. С.Х. Сатунцем выполнил проект музея обороны Сталинграда – "Храм Славы", под непосредственным впечатлением Сталинградской битвы. Проект не был заказным, он не имел и конкретного участка, за разработку проекта авторы взялись по собственной инициативе. В то время это было естественным стремлением архитекторов выразить в памятниках и мемориальных сооружениях ожидание грядущей победы, патриотические чувства гордости и чувства скорби, памяти о прошлом и мечты о будущем [30].

При поиске образа мемориального сооружения авторы полностью отказываются от исторических прообразов и элементов ордерной архитектуры. В конструкции использованы тонкие железобетонными складчатые своды параболической формы. В "Храме Славы" с особой силой выражены национальные черты русской архитектуры, так определяемые Буровым: "тектоничность, пластичность формы, изобразительное богатство, насыщенность цветом, человечность масштаба и современность – это и есть стиль русских в архитектуре". В целом этот проект знаменует новый этап в творчестве А.К. Букова, поиски образа современной архитектуры на основе синтеза лучших тенденций 20-х годов (конструктивизм) и опыта освоения классического наследия и национальной архитектуры. Второй проект мемориала для Сталинграда был сделан А. Буковым при участии Д. Бурдина, Л. Баталова, Л. Врангель для Памятника-музея обороны Сталинграда "Сталинградская эпопея". В противоположность Храму Славы здесь была выбрана форма пирамиды, глубоко традиционная для мемориальных сооружений. Основной идеей авторов было создание памятника вечной славы павшим, в виде крупномасштабной пирамиды-кургана, рассчитанной на перспективное восприятие в открытом пространстве окружающего ландшафта и увенчанной вечным огнем. Взятый за основу образ ступенчатой пирамиды Дворца Советов, концентрирующего на себе все пространственные связи, ясно выражает концептуальную основу смысловой реальности эпохи. Каждая из деталей композиции – материал, масштаб, силуэт, внутренний объем подчинялись главной идее сооружения – увековечиванию героического подвига советского народа.

Мемориальные комплексы в Сталинграде были своего рода репрезентацией советской идеологии. Развитие Сталинграда, как совершенного

архитектурного ансамбля, с ярко выраженной тенденцией формирования города-монумента, имя города и его роль в советской истории придавали ему особый символический статус и способствовали идеализации его архитектурного образа. Архитектурный облик формировался как результат взаимодействия идеологических установок и пространственного развития города как сложной системы социально-пространственных отношений [32, с.27].

Конец 1940-х гг. стал временем, когда началась работа над серией гидротехнических систем. В 1950 году по инициативе И.В. Сталина Совет Министров СССР принял постановления о строительстве крупнейших в мире гидроэлектростанций на реке Волге, о строительстве Волго-Донского судоходного канала и орошении земель в Ростовской и Сталинградской областях [62]. В 1952 г. был завершён Волго-Донской судоходный канал, соединивший крупнейшие реки европейской части России. Трасса его пролегла через Донские степи от Сталинграда на запад к городу Калачу, по местам самых упорных сражений Второй мировой войны. Все это определило особое отношение к комплексу сооружений канала. Вся система задумывалась как целое, подобно некоей монументальной городской магистрали (наподобие тех, что намечались при разработке проектов детальной планировки на основе Генерального плана Москвы 1935 г.). Восприятие целого должен был обеспечить характер движения по каналу – с остановками в шлюзах, с которыми связаны главные архитектурные акценты, и быстрым передвижением между ними. И здесь возникали очертания некоей осуществленной утопии.

Сооружениям канала решено было придать символическую форму, не просто несущую значение, но "красноречивую". Проект надводных сооружений выполнила группа, руководимая Д. Поляковым. Трактую их как растянутую в пространстве цепь монументов, архитекторы обратились к героико-романтической традиции русского классицизма начала XIX в. Объемы зданий управления шлюзов, открывающие входы в канал со стороны Волги и со стороны Дона, объединены поднятыми над трассой створками опускаемых аварийных ворот. Целое сформировано как гигантская триумфальная арка, пропускающая суда. Монументальны и менее помпезные сооружения других шлюзов, образующие пропилены, обрамляющие трассу. Их здания вырастают над монолитами гидротехнического бетона, составляя с ними единое целое. Крупные силуэты господствуют над обширными пространствами степного ландшафта. В разработке форм архитекторы стремились к двойственности масштаба, соизмеряя крупные формы со шкалой человеческих величин. Присущее классицизму рациональное отношение к форме претворено не только в выразительность построек, но и их функциональную целесообразность (так, например, были созданы лучшие условия для наблюдения за подходящими

судами и управления шлюзами в сравнении с обычными для того времени системами) [20].

Особенностью архитектурного планирования Сталинграда, который в ходе войны утратил свое прошлое, стала возможность в чистом виде реализовать концепцию идеального советского города (рис.6).

Рис. 6. Группа архитектора Б. Иофана. Проект восстановления г. Сталинграда. Нереализованный проект, 1945 г.

Рис. 7. Группа арх. К. Алабяна. Проект восстановления центра Сталинграда, 1946-1952 гг.

Киев. Послевоенное развитие города, отображает продолжение процессов, начатых до войны, которые характеризовались идеологическим детерминизмом, активным влиянием идеологии и политики на формирование архитектуры. В 1934 г. столицу Советской Украины перенесли из Харькова в Киев, и с этого момента начинается социалистическая реконструкция города. Создание Правительственного центра было главной градостроительной проблемой середины и конца 1930-х годов. В процессе проработки предложений относительно выбора места размещения Правительственной площади, на которой должны были размещаться все главные сооружения для правительственных органов УССР, предлагались варианты в старой части города с разрушением существующих памятников архитектуры XII-XVIII вв. В качестве основы для будущего проектирования был принят проект П.Юрченка, который отличался удачным решением пространственной ситуации, монументальностью, помпезностью, но также предусматривал снесение Михайловского монастыря, Васильевской церкви. За этой концепцией был проведен закрытый конкурс, в котором принимали участие такие знаменитые архитекторы как братья Веснины, И. Фомин, К. Алабян, В. Заболотный, Ф. Олийнык, А. Таций, П. Алёшин, И. Лангбард, Я. Штейнберг.

Большинством проектов было предусмотрено размещение площади перпендикулярно к Днепру с раскрытием ансамбля к реке и устройством системы лестниц и пандусов по склону. Исключение составляли проекты братьев Весниных, которые в одном из вариантов отгораживали площадь от Днепра колоннадой, а в другом завершали выход к реке большой аркой. Некоторые архитекторы трактовали площадь как своеобразные пропилеи с

башнеподобными объёмами в конце (И. Фомин, П. Алешин, Я. Штейнберг) и громадным монументом В. Ленина между ними. Конкурсные проекты подтвердили стремление архитекторов визуализировать главные мифы советской идентичности. Главными средствами архитектурной выразительности стали иерархичность и субординация всей архитектурной композиции, ее подчинение главной оси, доминантой которой всегда были памятник вождю, гипертрофированность застройки, излишества архитектурного декора. Ради разрушения старой идентичности и утверждения идеологии большевистской власти параллельно с конкурсной эпопеей проводились работы по разрушению Михайловского Златоверхого собора [63].

В 1937 г. построено здание Центрального Комитета Коммунистической партии большевиков Украины, но уже в 1938 г. в ходе общественных обсуждений было активно раскритиковано сооружение И. Лангбарда и стало понятно, что его деятельность в Киеве и продолжение строительства Правительственного центра будут невозможны. Сталинская эпоха проектов-гигантов подошла к завершению.

В ноябре 1943 г., еще во время ожесточенной борьбы на фронтах Отечественной войны, Советское правительство приняло решение о создании на Украине филиала Академии архитектуры СССР. В 1946 г. он был реорганизован в Академию архитектуры УССР, президентом которой выбирают В. Заболотного.

Во время войны в Киеве было разрушено 42% жилого фонда, уничтожен ряд уникальных сооружений, в том числе памятник архитектуры XI в. – Успенский собор в Киево-Печерской лавре и многие другие памятники культуры. Всего во время оккупации было разрушено 940 административных и общественных зданий; 1742 коммунальных дома жилой площадью более 1 млн. квадратных метров, 3,6 тыс. домов частных владельцев жилой площадью около 500 тыс. квадратных метров [64].

22 июня 1944 г. Совет Народных Комиссаров УССР объявляет конкурс на планировку и застройку практически разрушенного Крещатика – главной улицы Киева. Этот конкурс сыграл важную роль для возрождения разрушенных войной городов. Задачей проектирования Крещатика было размещение зданий правительственного, представительского и общественного характера и придание Киеву формальных признаков столицы (рис. 8-9).

Рис. 8. Вид улицы Крещатик в Киеве, 1944 г.

Рис. 9. Вид Площади Независимости в Киеве, 1945 г.

Кроме общественных функций, на новом Крещатике должна была концентрироваться также деловая, торговая и культурная активность. В конкурсе приняли участие лучшие архитекторы страны – К. Алабян, П. Алёшин, А. Щусев, Д. Чечулин, Г. Гольц, А. Власов, А. Таций и др. (рис.10-11).

Рис. 10. Д. Чечулин в сотрудничестве с К. Орловым. Конкурсный проект восстановления Крещатика. Недатированный.

Рис. 11. Группа архитектора А. Тация. Конкурсный проект восстановления Крещатика. Перспектива, 1944 г.

Решались в первую очередь градостроительные проблемы – удобство использования улицы для транспорта и пешеходов, расширение прилегающих улиц, подходы и проезды, организация праздничных площадей. Но внимание уделялось и эстетическому аспекту – в проектах использовались классицистические мотивы, объединенные с элементами украинского барокко. Архитекторы пропагандировали использование местных материалов, например, керамики, как экономичного способа усиления эстетической составляющей архитектуры Крещатика [65]. Предлагалось использовать мотив арок для раскрытия уникального рельефа города. Этот прием впоследствии взял на вооружение победитель конкурса, архитектор А.В. Власов, который работал в

1944-1950 гг. главным архитектором Киева. Александр Власов и созданные им архитектурные мастерские (ныне – Главное управление «Киевпроект») сыграли большую роль в становлении архитектуры Киева. В 1949 г. был утвержден правительством УССР "Проект генерального плана застройки Крещатика", по которому начали строительство. Архитектура нового Крещатика должна была стать архитектурой Победы (рис. 12). В конкурсных проектах и реализациях застройки послевоенного Крещатика отображена богатая мифология советской идентичности, здания характеризовались монументальностью, пышностью архитектурного декора, доминировали памятники вождям. Градостроительная концепция организации Думской площади, ныне площади Независимости, разработанная группой А.Власова в 1949 г., заложила принципиальные и до сих пор актуальные основы ее планировки [37, с.21-22] (рис.13-15).

Рис. 12. А. Матушевич. Фиксация разрушенной застройки Крещатика в Киеве, 1945 г.

Рис. 13. Группа архитектора А. Власова. Арка-проезд на Крещатике. Конкурсный проект, 1944 г.

Рис. 14. Группа архитектора А. Власова. Проект восстановления Крещатика. Перспектива, 1944 г.

Рис.15. Группа архитектора А.Власова Утвержденный правительством Украины проект восстановления Крещатика, 1945 г.

Выступая на Всесоюзном совещании руководящих работников органов архитектуры, начальник Управления планировки и застройки городов Комитета В.В. Бабуров говорил: "Как мы знаем здесь и как я понял это на Украине, исходных моментов для построения твердых генеральных планов мы не имеем и до конца войны мы ими располагать не будем. Поэтому в интересах построения

твердого генерального плана нужно подождать, пока эти исходные генерального плана будут выданы как твердые, как ясные" [66].

Проект генерального плана Киева 1948 года предусматривал формирование главной городской магистрали - Крещатика. Генеральный план развивает это положение, определяя в качестве центра города - Крещатик и обрыв Днепра с выстроенными на нем крупными правительственными зданиями. Экспертная комиссия считала такую трактовку как наиболее отвечающую: положению Крещатика в общей композиции города; природным условиям (рельеф, парки, Днепр); содержанию центра столицы Украинской ССР, где Крещатик трактуется как современный форум с большим пространственным раскрытием архитектурной композиции. Но вместе с тем отметила, что в решении центра не найдено еще композиционного обобщения и увязки Крещатика с другими крупными элементами центра как Правительственная площадь и комплекс зданий Совета Министров и Верховного Совета, располагающихся на верхней бровке Днепровского берега. Экспертная комиссия рекомендовала включить два этих элемента в композицию центра Киева, органически связав их с Крещатикум... Исключительно своеобразный пересеченный рельеф Киева и широкий Днепр всегда обуславливали архитектурный облик города - красоту его панорамы, своеобразие архитектуры выдающихся городских зданий, гармонически сочетающихся с природой. Выразительный силуэт всегда выделял Киев в ряд городов высоко ценимых и навсегда запоминающихся, поэтому задача генерального плана города - заложить основы и обеспечить все предпосылки создания архитектурно-целостного и выразительного ансамбля в проекте была поставлена верно. Проект правильно отражает главный фасад города к Днепру, правильно размещает ответственные сооружения на высокой бровке Днепровского берега, правильно учитывает силуэтное решение города, верно намечает парк на Трухановом острове. Отмечая это, экспертная комиссия рекомендовала проработать специальную схему архитектурной организации города, выделяя пространственно и связывая между собой наиболее интересные в высотном и пейзажном отношении пункты. Комиссия также рекомендовала более серьезно акцентировать крупные архитектурные памятники Киева, подчеркнув окружение памятников соответственно значению их и окружающей среде [67].

Смоленск. За годы сталинских пятилеток Смоленск превратился в один из крупных административных и культурных центров Советского Союза. Если до революции в городе проживало 63 тысячи жителей, то по переписи 1939 года население города составляло уже 156,8 тысячи человек. Интенсивно развивалась промышленность. Уже в 1926 году по заданию горсовета архитектором А.В.

Щусевым был составлен проект нового генерального плана перестройки города. Созданные до революции архитектурные ансамбли включались в новую планировку города. Позже, в 1935 году, бригадой архитекторов во главе с Н. Г. Кондратенко был разработан еще один план, по которому архитектурно-планировочным ядром намечалась площадь имени Смирнова. По этим планам в городе было построено большое количество каменных многоэтажных жилых и общественных зданий [68, с.5].

В Смоленске довольно сложно было внедрить регулярные планировочные идеи в ткань города, поскольку ценность отдельных памятников архитектуры превышала архитектурно-градостроительную ценность планировочной основы города. Необходимость найти то характерное, что присуще именно Смоленску, его облику, его силуэту требовала от архитекторов поисков нового звучания образа города. Г.П. Гольц в проекте восстановления Смоленска наиболее органично включил памятники архитектуры в структуру города. Лучевая магистраль, исправляя недочеты старой радиально-кольцевой планировки, служила новым линейным центром, созданным в классических традициях, могла развиваться независимо, сохраняя визуальные связи с памятниками, которые размещались на холмах [9, с.57].

В довоенном 1941 году жилой фонд Смоленска (по данным горкомхоза) составлял 6370 жилых домов с общей площадью 646,5 тысячи квадратных метров. Подавляющую часть домов составляли деревянные. В 1937 году из общего количества строений деревянных было 36,6 процента [68, с.7]. В предвоенные годы резко изменился вид старого Смоленска. Новые архитектурные ансамбли сформировали облик города, соответствующий сталинской эпохе. И. Белогорцев и И. Софинский следующим образом описывали архитектурный облик Смоленска 30-х годов: "В поисках новых архитектурных форм советские архитекторы прошли период конструктивистского формализма. Иллюстрацией формалистической архитектуры в Смоленске является Дом Советов, сооруженный по проекту архитектора С.А. Ильинской в 1931 – 1932 гг. Вытянутый вдоль площади фасад, серые плоскости стен, лишённые художественного убранства, – характерные черты этого здания. Вредная печать конструктивизма лежала и на ряде других зданий".

Война прервала строительство города и только 25 сентября 1943 года Советская Армия освободила Смоленск от временной фашистской оккупации. Было разрушено и сожжено 6550 жилых домов (93 процента всего жилого фонда), 26 больниц и амбулаторий, 33 школы, 54 детских сада и яслей, 31 высшее и среднее учебное заведение, 107 промышленных предприятий, две

электростанции, выведены из строя водопровод, трамвай, бани, два моста через Днепр, весь железнодорожный узел [68, с.10].

В феврале 1944 г. в Комитете по делам архитектуры состоялась экспертиза довоенного генплана Смоленска и был поставлен вопрос о коренной перепланировке города. Наиболее важной была признана проблема размещения железнодорожного вокзала, который композиционно не был привязан к центру города. Под руководством архитектора Н.П. Былинкина (мастерская Г.П. Гольца) был разработан проект планировки центра города, по которому восстановлен ряд крупных жилых и общественных зданий. Новый архитектурный облик получили улицы Большая Пролетарская, Бакунина, Маяковского, Социалистическая и Дзержинская. Особое внимание было уделено композиционному сочленению центральной городской площади и новой магистрали, вдоль которой город развивался на юг. Выход магистрали с площади подчеркивался полукружием зданий и наличием вертикальных элементов на углах в виде ротонд, образующих начало "Луча". От старой площади до вновь образуемой новой площади на пересечении с Краснинским шоссе "Луч" постепенно уширялся, достигая 110 м. [9, с.57]. Как и в большинстве отстроенных социалистических городов проспект композиционно подчеркивался статуей Ленина. Смысловую кульминацию ансамбля, в виде вертикальной башни, доминирующей над городом, выполняло здание городского совета по эскизам одобренным Г.П. Гольцем. Основная идея центральной площади выражалась в организации архитектурного движения по направлению к центру города, где массовое жилище представляло собой фон для ансамбля и отдельных зданий городского центра (рис. 16).

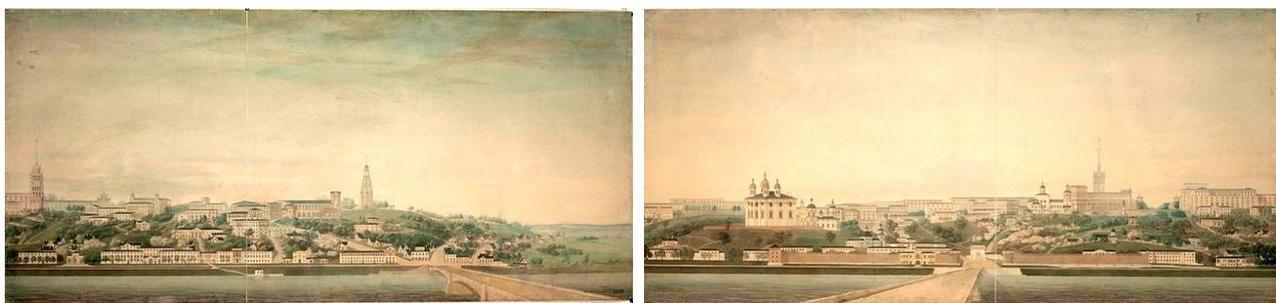

Рис. 16. Реконструкция и восстановление Смоленска. Панорама города со стороны Днепра, 1945 г. Архитектор Г.П. Гольц.

Проф. В.Н. Семенов, автор генплана Москвы 1935 г. писал о схеме планирования г. Смоленска (рук. проекта – Г.П. Гольц): 1) Общее впечатление от схемы реконструкции гор. Смоленска очень благоприятное. Уделено особое внимание и хорошо проработан архитектурный образ города, его силуэт и отдельные ансамбли с учетом их восприятия в натуре. Разрушения,

причиненные немцами, оказались столь большими, что позволили подойти к реконструкции города гораздо более решительно, чем это намечалось довоенными схемами, авторы которых были вынуждены считаться со многими существующими недостатками; 2) В общей схеме положительным надо признать разгрузку центра от излишней концентрации улиц, особенно имеющих транзитный характер и во многих случаях более тщательный учет рельефа. В связи с этим кажется правильным и отказ от круглой площади, трудно поддающейся оформлению как по условиям рельефа, так и по имеющейся уже застройке.

Правильным надо считать также предложение по смягчению уклонов Советской улицы, хотя это предложение и требует еще технической проработки. Не совсем ясна необходимость иметь здесь две улицы одной ширины, примерно одного уклона, и, вероятно, одинаково высокой стоимости; 3) Предложение продолжить широкое авеню от существующего центра к вновь застраиваемым окраинам считаю удачным. Из двух вариантов лучшим кажется расширяющийся луч при ширине его порядка ста метров. При этой ширине и обработке зеленью он может объединить старый центр с новым и увязать их вместе в один крупный комплекс. Окончательная ширина, очевидно, будет установлена по остающейся опорной застройке. Ширина порядка 40 метров, как предлагает второй вариант, такого эффекта не даст и будет простой улицей, возможно даже более пустынной, несмотря на свои меньшие размеры; 4) Устройство верхней видовой бровки, обращенной в сторону Днепра, надо приветствовать. Более полное раскрытие ее и увязка с площадью, вроде того, как это сделано с восточной стороны, должно обогатить весь прием, дать большую глубину композиции и помочь созданию фасада города, хорошо задуманного начиная от съезда со стороны вокзала" [69].

После опубликования постановления правительства Союза ССР 1 ноября 1945 года о восстановлении пятнадцати русских городов, в числе которых был назван и Смоленск, восстановительные работы приняли широкий размах. Повсюду в городе стали видны восстановленные жилые дома, школы, детские сады, ясли и больницы. Открылся областной театр. Только за один 1946 строительный год в городе было построено 224 жилых дома. Центральные улицы Смоленска получили новое архитектурное оформление.

Восстановительные работы в Смоленске осуществлялись по генеральному плану, составленному академиком архитектуры Г.П. Гольцем и утвержденному правительством РСФСР в мае 1946 года. Планом предусматривалось коренное улучшение санитарного состояния Смоленска путем вывода из жилой застройки промышленных предприятий. Планировалось благоустроить набережные Днепра. Уровень воды в реке планировалось повысить, чтобы Днепр у Смо-

ленска стал судоходним для более крупных судов. Коренная реконструкция железнодорожного узла создала максимальные удобства для жителей города и транзитных пассажиров [70].

В 1947–1950 годах продолжалось восстановление центральных улиц города и заводских районов. Активно решались вопросы восстановления памятников архитектуры, был восстановлен Богоявленский собор, приступили к капитальному ремонту ценнейшего памятника русской национальной архитектуры XVII–XVIII веков – Успенского собора.

Во всех восстанавливаемых домах старая планировка претерпевала существенные изменения. Основная цель внутренней перепланировки заключалась в создании квартир, обеспечивающих бытовые удобства для населения. В целях создания наибольшей выразительности архитектуры восстанавливаемых жилых домов и городского ансамбля архитекторы Смоленска объединяли несколько разнохарактерных коробок в единый объем с фасадом, решенным на основе одной архитектурной темы, наподобие итальянских городов эпохи ренессанса.

Новороссийск. Предвоенный генплан Новороссийска в начале 30-х годов разрабатывался Гипрогором, затем в незаконченном виде был передан в Ростовоблпроект (1937–1939 гг., арх. И.А. Колпакчи, С.Б. Колкер) [71]. В предложенном проекте не уделялось внимания особенностям природных и экономических условий Новороссийска, которые были весьма далеки от рафинированной идеи классического архитектурного ансамбля со множеством скульптур, большим масштабом, рассчитанным на перспективное восприятие.

Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 большая часть города была захвачена войсками вермахта. После освобождения города 16 сентября 1943 г. остро встал вопрос восстановления и выявления "лица" будущего Новороссийска. Восстановление жилого фонда разрушенного Новороссийска характеризуется такими данными – до оккупации жилой фонд составлял 266 тысяч квадратных метров жилой площади, на 1 января 1949 г. 163 тысячи квадратных метров [72].

Основная задача проекта восстановления Новороссийска, по материалам VI сессии Академии архитектуры СССР, состояла в органическом размещении города в структуре природного ландшафта. В основу проекта было положено стремление решить порт не только с технической стороны, но и включить его в ансамбль всего города, создавая у берега моря главный городской центр с выходящей на море аванплощадью и с центральной площадью, на которой расположен главный ансамбль общественных зданий города (железнодорожный и морской вокзалы, культурные и административные здания). Главная парковая магистраль города, соединяющая Цемесский парк с берегом моря, должна была

объединить основные площади, с расположенными на них архитектурными ансамблями (театральную, спортивную, главную). А парковая магистраль и соединенные с ней ансамбли образовывали основной архитектурно-композиционный стержень города. Новороссийск, разработкой генерального плана которого занималась мастерская Б.М. Иофана, был задуман как парадные въездные "ворота" в Советскую страну. С моря на далеком расстоянии должны были открываться перспективы центральной площади и главного ансамбля Новороссийска. При приближении к городу с моря все более отчетливо должны были вырисовываться остальные ансамбли города [73]. Прообразом будущего Новороссийска для Б. Иофана стали античные приморские города, где вся архитектурно-градостроительная композиция подчиняется морю. Основной планировочной осью города стала парковая магистраль на месте наиболее разрушенных центральных районов города, которая решала актуальную проблему недостатка зелени в Новороссийске. Кроме того планировалось отделить промышленную зону от города зелеными насаждениями, организовать три зеленых пояса и восстановить окружающую город растительность. На заседании экспертной комиссии Комитета по делам архитектуры при СНК СССР по вопросу о проекте планировки г. Новороссийска 27 октября 1944 г. Б.М. Иофан говорил: "Я считаю, что центр должен быть выделен, но и та часть города, которая примыкает к порту и идущая к морю, особых отличий от центра не имеет. Мы считали так - город небольшой, он должен иметь более нарядный центр, а в остальной своей части - скромное уютное жилье. Идеальным, конечно, было бы иметь город-сад, но так как планировка, в основном, существует, то мы считали неправильным, в основном, ее изменять. Мы дали здесь парковую магистраль, на которую выходят площади с окружающим их ансамблем... Идея такая - имеется более высокая застройка, затем небольшая блочность (блочная застройка), а затем индивидуальные одноэтажные дома. Может быть, последние можно будет рассредоточить, но это дело будущего. Теперь скажу в отношении северной части. Здесь нужно будет дать очень ясный ответ. Некоторые хозяйственники настаивали на том, чтобы дать равноценную южную и северную части города, а это является неправильным. Мы знаем, на основании опыта той же Америки и других зарубежных стран, что там промышленные предприятия строят отдельно от центра города и ограждают их зеленой зоной. От этого приема не надо отступать и нам. Несколько слов о характере самой архитектуры ...В сделанных нами эскизах мы хотели показать следующее: мы хотели показать Новороссийск радостным приморским городом" [74].

Важными ориентирами города стали вертикальные акценты: символ города в виде башни с фигурой девушки, на центральной площади со зданием

Горсовета; башня с часами на месте объединенных морского и железнодорожного вокзалов; городской театр на возвышенности. Заданием Б. Иофана было обогатить город новыми перспективами, создать ансамбль площадей, которые в то же время были бы защищены от неблагоприятного воздействия климатических факторов (рис. 17). Однако недостаточное раскрытие города к морю вызвало острую критику и в печатных изданиях, и в Комитете по делам архитектуры. Камерность, закрытость Новороссийска не соответствовали по мнению критиков открытости образа советского города [9, с. 61-62].

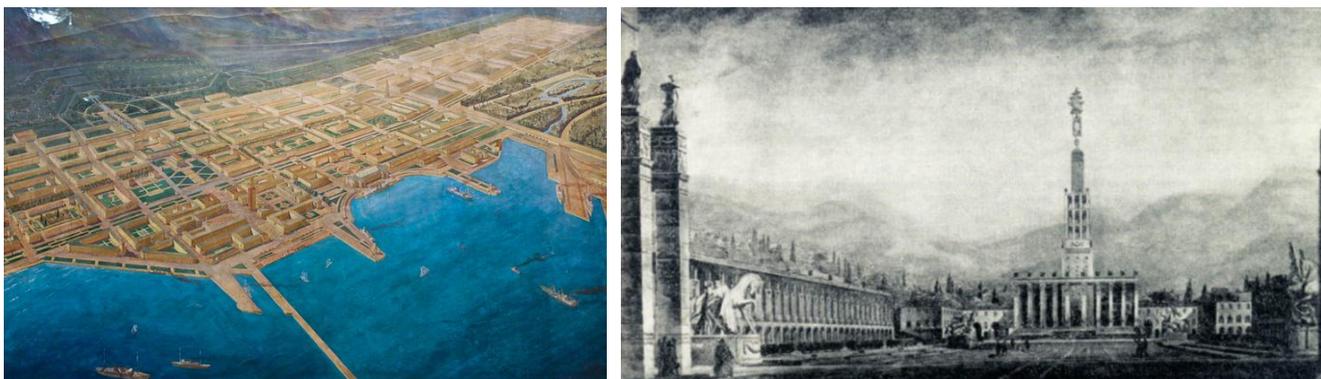

Рис. 17. Проект восстановления г. Новороссийска, мастерская архитектора Б. Иофана, 1943-1944 гг.

Выводы. В основе советской послевоенной градостроительной концепции лежала идея формирования целостного городского организма, все части которого функционируют в неразрывной связи с целым. Рассматривая ряд проектов восстановленных городов, характеризующих градостроительную концепцию, можно выделить ряд особенностей. Функционально-планировочные задачи восстанавливаемых городов ориентировались на моноцентричную структуру столицы страны с главным зданием Дворца Советов. Решающим аспектом была художественная композиция города. Принцип города-ансамбля на практике являл собой простую планировочную схему, в одном случае главная ось города замыкалась на площади со зданием Дома Советов, в другом вокзалы переносились на одну ось с главной площадью.

Тема Победы реализовывалась через сооружение мемориальных комплексов или отдельных памятников и придание им роли композиционной доминанты в структуре города. Еще одним новым элементом был мемориальный парк. Особенности художественной композиции проявлялись в организации динамической составляющей архитектуры – ритм и масштаб должен был нарастать по мере приближения к главной площади города. Магистраль, как основные артерии со сложной системой расходящихся поперечных улиц, должны были создавать иллюзию пронизывания и

объединения всей территории города. Важной составляющей, дающей представление об открытости города, были элементы благоустройства и озеленения, призванные подчеркнуть единение с природой. Социалистический город должны были отличать целостность, единство и грандиозность замыслов, подчиненные общей идеи строительства коммунизма.

В реальном строительном процессе послевоенного восстановления советских городов только в очень малой степени были использованы ансамблевые градостроительные идеи военного и раннего послевоенного времени. Но то, что было реализовано, составило основу идентичности послевоенного советского города. Несмотря на неоднозначные идеологические и исторические коннотации, можно утверждать, что советская эпоха была одной из самых ярких страниц в истории мирового градостроительства.

Литература:

1. Луначарский А.В. Речь о пролетарской архитектуре // Архитектура СССР. – 1934. – № 8. – С.4–7.
2. Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность: В двух томах. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – Том I. – 656 с.
3. Иконников А.В. Утопическое мышление и архитектура. – М.: Издательство «Архитектура-С», 2004. – 400 с.
4. Мостаков А. Вопросы планировки городов // Архитектура СССР. – 1937. – № 7–8. – С. 57–60.
5. Астафьева М.И. Формирование проблематики теории и истории советской архитектуры 1917-1954 гг.: автореф. дисс. ... д.арх. 18.00.01 "Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия" / М.И. Астафьева. – М., 1990. – 45 с.
6. Из истории советской архитектуры 1926-1932 гг. Документы и материалы. – М.: Наука, 1970. – С. 36.
7. История советской архитектуры, 1917-1954 гг.: Учебник для архитектурных вузов. Спец. «Архитектура» / Н.П. Былинкин, В.Н. Калмыкова, А. В. Рябушин, Г. В. Сергеева; Под общ. ред. Н.П. Былинкина и А.В. Рябушина – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Стройиздат, 1985. – 256 с.
8. Александрова М.В. Социокультурный аспект советской градостроительной политики 1917-1932 гг. (на примере г. Ярославля): дисс. канд. ист. наук: 24.00.01 / Александрова Мария Вячеславовна. – Ярославль, 2009. – 230 с.
9. Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов: От творческих поисков к практике строительства. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 9.
10. Авдотьян Л. Н. Градостроительное проектирование: Учеб. для вузов / Л.Н. Авдотьян, И.Г. Лежава, И.М. Смоляр. – М.: Стройиздат, 1989. – 432 с.

11. Труд в СССР. – М., 1968. – С. 20.
12. Меерович М.Г. На острие схватки титанов // [Электронный ресурс] / М.Г. Меерович // Архитектон: известия вузов – 2011. – № 1 (33) – Режим доступа: http://archvuz.ru/2011_1/9 – на русс. яз.
13. Меерович М.Г. Градостроительство как средство обеспечения национальных программ пространственного развития страны // Проект и реализация – гаранты безопасности жизнедеятельности: Труды общего собрания РААСН. – СПб: С-Пб гос. архит.-строит. ун-т., 2006. – Т.1. – С.89–93.
14. Справочник архитектора. Градостроительство // Под ред. К.С. Алабяна и др. – Москва, Издательство академии архитектуры СССР, 1946. – Том II. – 454 с.
15. Хазанова В.Э. Советская архитектура первой пятилетки. Проблемы города будущего. – М.: Наука, 1980. – 374 с.
16. Дискуссия о социалистическом расселении // Современная архитектура. – 1930. – № 1–2. – С. 4.
17. Смирнов А. Жилищно-коммунальное хозяйство РСФСР // Журнал Госплана и ЦУНХУ СССР "План". – 1937. – № 10. – С. 28–32.
18. Хмельницкий Д.С. Архитектура нацизма и архитектура сталинизма. Визуальные, психологические и структурные различия // Blok. Międzynarodowe Pismo Poświęcone Kulturze Stalinowskiej i Poststalinowskiej" Pejzaże i znaki totalitaryzmu / red. Z. Grębecka i J. Sadowski. – Bydgoszcz, 2010. – № 5.
19. Меерович М.Г. Эрнст Май: "Рациональное" жилье для России // [Электронный ресурс] / М.Г. Меерович // Архитектон: известия вузов – 2011. – № 36. – Режим доступа: http://archvuz.ru/2011_4/14 – на русс. яз.
20. Иконников А.В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве. – М.: КомКнига, 2006. – С. 323–328.
21. Семенов В.Н. Вопросы планировки // Академия архитектуры. – 1935. – №4. – С. 39–43.
22. Шелейховский Г. По поводу статьи арх. Мостакова в "Архитектурной газете" // Планировка и строительство городов. – 1935. – № 6. – С. 17–18.
23. Щусев А.В. Проект восстановления Новгорода // Вопросы восстановительного строительства. Материалы VI сессии Академии архитектуры СССР. – М., 1945. – С. 30–31.
24. Архитектура в военной форме / Architecture in Uniform // [Электронный ресурс] // – Режим доступа: <http://arch-museum.livejournal.com/22353.html>
25. Советская архитектура 1941-1945 // В.И. Бальдин, Ю.П. Бочаров, Н.Ф. Гуляницкий, М.И. Астафьева-Длугач – М.: Стройиздат, 1987. – 549 с.

26. Народное хозяйство СССР в великой отечественной войне 1941–1945 гг. (статистический сборник). – М.: Информационно-издательский центр, 1990. – 235 с.
27. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 293, оп. 1, д. 75, лл. 73–75.
28. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 293, оп. 1, д. 75, лл. 78–79.
29. Из стенограммы выступления Г.П. Гольца в 1945 г. в Академии архитектуры СССР на тему «Восстановление и реконструкция Смоленска», опубликованного в книге «Георгий Гольц» Н.Н. Третьякова (М., 1969). [Электронный ресурс] // – Режим доступа: <http://theory.totalarch.com/node/106>.
30. Пороховщиков А., Блашкевич Р., Бурова Р. Архитектура и я. – М.: Стройиздат, 1984. – 142 с.
31. Рожкова И. Город у горы Магнитной // Архитектура СССР. – 1968. – № 3. – С.22.
32. Янушкина Ю.В. Особенности архитектурного формообразования в Сталинграде в историко-культурном контексте 1930-1950-х гг.: дисс. ...канд.арх.: 18.00.01. "Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия" / Янушкина Юлия Владимировна. – Волгоград, 2009. – С.23
33. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф.674, оп.2, д.112, л.150-об.
34. Вопросы восстановительного строительства / Материалы IV сессии Академии архитектуры СССР. – М., 1945. – С.8.
35. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф.9432, оп.1, д.16, лл.171–175.
36. Астафьева-Длугач М., Волчок Ю. Созидание против разрушения // Декоративное искусство СССР. – 1985. – № 5. – С. 31–35.
37. Современная советская архитектура 1955-1980 гг.: Учебник для вузов / Н.П. Былинкин, А.М. Журавлев, И.В. Шишкина и др.; Под ред. Н.П. Былинкина, А.В. Рябушина. – М.: Стройиздат, 1985. – 224 с.
38. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф.674, оп.2, д.109.
39. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 9432, оп. 1, д. 16, лл. 114–126.
40. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 9432, оп.1, д. 289, лл. 15–23.
41. Материалы Всероссийского совещания главных архитекторов городов. 2-6 июля 1945 г. – М., 1946. – С. 7.

42. Бунин А.В. К вопросу об использовании градостроительного наследия в послевоенном восстановительном строительстве // Архитектура. Сборник статей по творческим вопросам. – М., 1945. – С. 24–34.
43. Цингаленок В. Улучшить качество застройки городов // Архитектура СССР. – 1954. – № 9. – С. 35.
44. Осуществление великой программы строительных работ // Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах (Статистический сборник) // Государственное статистическое издательство – М., 1957.
45. Справка ЦСУ СССР Л.М. Кагановичу о состоянии городского жилищного фонда в 1940–1952 гг. // Сборник документов «Советская жизнь. 1945–1953 гг.» М.: РОССПЭН, 2003 (РГАЭ. ф. 1562. оп. 33. д. 1682. л. 88–99. Заверенная машинописная копия с визами сотрудников ЦСУ СССР).
46. Данные ЦСУ СССР о ходе восстановительных работ в городах РСФСР в 1946–1948 гг. // Сборник документов «Советская жизнь. 1945–1953 гг.» М.: РОССПЭН, 2003 (РГАЭ. ф. 1562. оп. 41. д. 6. л. 101–103. Сигнальный экземпляр с визами сотрудников ЦСУ СССР).
47. Колесников С. К итогам архитектурной практики в городах РСФСР за 1953 г. // Архитектура СССР. – 1954. – № 11. – С. 7.
48. Руднев Л. О формализме и классике // Архитектура СССР, 1954. – №11. – С. 30.
49. Аркин А. Архитектура города и типизация жилища // Архитектура СССР. – 1944. – вып. 8. – С. 17–23.
50. Розанов Н.П. Крупнопанельное домостроение. – М.: Стройиздат, 1982. – 224 с.
51. Докладная записка агитпропа ЦК Г.М. Маленкову по поводу письма архитектора А.К. Бурова И.В. Сталину (14.05.1949) // [Электронный ресурс] // – Режим доступа: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69662>.
52. Бархин Б.Г. Методика архитектурного проектирования. – М.: Стройиздат, 1982. – 225 с.
53. Лавров В.А. Исторические памятники в плане восстановления городов // Проблемы современного градостроительства. – М., 1947. – вып. 1. – С. 10–17.
54. Лавров В.А. Национальные традиции русского градостроительства // Основные архитектурные проблемы пятилетнего плана научно-исследовательских работ. – М., 1947.
55. Осятинский А.И. Строительство городов на Волге. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1965. – 191 с.
56. Докладная записка Отдела статистики жилищно-коммунального хозяйства ЦСУ СССР В.Н. Старовскому о состоянии жилищного фонда в городах Великие Луки, Воронеже, Севастополе и Сталинграде в 1940, 1945 и

- 1950 гг. // Сборник документов «Советская жизнь. 1945-1953 гг.» – М.: РОССПЭН, 2003.
57. Гридчина К.В. Проблемы становления высотного строительства в России и в Волгограде // *«Архитектон: известия вузов»*. – 2012. – № 38. [Электронный ресурс] // – Режим доступа: http://archvuz.ru/2012_22/71
58. Кравчук Я. О применении типовых проектов и составе их серий // *Архитектура СССР*. – 1954. – № 8. – С. 3.
59. Мостаков А. Восстановление Сталинграда. Проект застройки первой очереди // *Восстановление и реконструкция городов*. – С.15
60. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 9432, оп. I, д. 248, лл. 91–92.
61. Колли Н.Я. Общественные центры городов // *Основные архитектурные проблемы пятилетнего плана научно-исследовательских работ. Материалы VII сессии Академии архитектуры СССР*. – М, 1947. – С.191–192.
62. Мудрый преобразователь природы // *Советский союз*. – 1953. – № 4. – С.23.
63. Черкес Б.С. Національна ідентичність в архітектурі міста: Монографія. – Львів: Видавництво Національного університету "Львівська політехніка", 2008. – С. 58.
64. Киев в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // – Режим доступа: <http://forumkiev.com/t1192/>
65. Ясієвич В. Київський зодчий П. Ф. Альошин [Электронный ресурс] // – Режим доступа: <http://alyoshin.ru/index.html>
66. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф.9432, оп.1, д.16, лл.114–126.
67. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф.9432, оп. 1, д. 212, лл. 14–19.
68. Коваленко Д.П. Смоленск завтра. – Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1961. – 42 с.
69. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 9432, оп. I, д. 246, лл. 61, 61 об.
70. Белогорцев И.Д., Софинский И.Д. Смоленск. – М.: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1952. – 73 с.
71. Красноярский краевой государственный архив (ККГА), ф.3-830, оп.1, д.25
72. Данные ЦСУ СССР о ходе восстановительных работ в городах РСФСР в 1946-1948 гг. // Сборник документов «Советская жизнь. 1945-1953 гг.» М.: РОССПЭН, 2003.
73. Проект восстановления Новороссийска – Сб. «Вопросы восстановительного строительства. Материалы VI сессии Академии

архитектуры СССР» – М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1945. – С. 33–34 [Электронный ресурс] // – Режим доступа: <http://theory.totalarch.com/node/176>.
74. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 9432, оп. 1, д. 226, лл. 181 об. – 183.

Анотація:

Дослідження радянського містобудування 30-х - 40-х років ХХ століття, як динамічного і досить спірного процесу, що складається з декількох основних етапів, виявлення особливостей архітектурно-містобудівного мислення і способів практичної роботи дає можливість зрозуміти характер архітектури та загальну логіку формування міст в воєнні та повоєнні роки.

Abstract:

The article considers an issue of the Soviet urbanism within 1930 - 1940 period as a dynamic and controversial process, consisting of a few basic steps to determine the characteristics of Architecture and urban ways of thinking. Stalinistic city planning and practice enables us to understand the nature of architecture and the overall logic of the formation of communist cities in war and post war years.